

Сериал,
получивший
**Золотой
глобус**
и **Эмми**

HOMELAND™

РОДИНА КЭРРИ

На основе сериала Алекса Ганзы и
Говарда Гордона от канала Showtime

ЭНДРЮ КАПЛАН

Эндрю Каплан
Homeland. Родина Кэрри
Серия «Homeland», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6650992
Homeland. Родина Кэрри: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083364-1

Аннотация

«Homeland. Родина Кэрри» – это захватывающая история, написанная с тем же накалом и непредсказуемостью сюжета, которые сделали культовым одноименный телесериал. Этот роман популярного американского писателя Эндрю Каплана дает фанатам фильма возможность окунуться в прошлое полюбившихся героев и заглянуть во внутренний мир блестящей шпионки Кэрри Мэтисон.

Содержание

2006 год	7
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	44
Глава 4	55
Глава 5	71
Глава 6	80
Глава 7	89
Глава 8	98
Глава 9	103
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Эндрю Каплан

Homeland. Родина Кэрри

Copyright © 2014 Showtime Networks, Inc. A CBS Company. All Rights Reserved.

Homeland™ & © 2014 Twentieth Century Fox Film Corporation.

All Rights Reserved.

© Абдуллин Н., перевод, 2013

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Моему сыну Джастину, с которым все кажется
лучше, чем на самом деле,
а также
мужчинам и женщинам из разведки США,
которые служат самой обманчивой ценности на*

Примечание автора

Для читателей, которым интересна более подробная информация о действующих лицах, организациях и службах, описанных в этом романе, в конце книги приведен глоссарий и список персонажей.

* * *

– Представь себе Принстон в пять часов, зимним утром, когда темно и все спят. Я выхожу из общаги, на мне обычный спортивный костюм. (Я ведь не была фифой, я была серьезной: с мальчиками не заигрывала, строила большие планы на будущее.)

Не включая секундомера, перехожу на бег. На улице холодно, воздух обжигает горло и легкие. Никого нет, кампус объят тишиной. Бегу прямо до Нассо-стрит, мимо закрытых витрин магазинов, по мостовой, в которой отражается свет фонарей. Сворачиваю на Вашингтон-роуд, бегу назад к кампусу, мимо Школы имени Вильсона и Центра кампуса имени Фриста, к стадиону Уивера.

Останавливаюсь. Дыхание вырывается изо рта паром; небо постепенно сереет. Включаю секундомер и срываюсь на бег. Буквально пролетаю полторы мили, как будто за мной гонятся. Пытаюсь держать ритм, но, клянусь, Саул, бы-

вали моменты, когда чудилось, будто я могу бежать вечно. Даже если на последней сотне ярдов я готова была сдохнуть.

– Чего ты хочешь, Кэрри? Что, черт возьми, тебе нужно?

– Не знаю. Снова стать той девочкой. Стать... чистой.

Он что-то скрывает, Саул, Богом клянусь.

– У всех есть секреты. На то мы и люди.

– Нет, он замыслил дурное. Что-то опасное для всех.

Нельзя, чтобы все повторилось.

– Скажу прямо: ты рискуешь не только своей жизнью и нашими с тобой карьерами. Ты рискуешь национальной безопасностью, Управлением. Уверена в своих силах?

– Я кое-что поняла. Мне больше не стать той девочкой.

– А была ли ты ею?

2006 год

До возвращения Броуди

Глава 1

Район Ашрафия, Бейрут, Ливан

Соловей опаздывал.

Сидя на втором месте в четвертом сзади ряду кинотеатра, Кэрри Мэтисон гадала, не отменить ли встречу. Она все равно первая, ознакомительная.

– Встречаетесь и расходитесь, как в море корабли, – учил Саул Беренсон, ее шеф и наставник, еще на Ферме, виргинском тренировочном центре ЦРУ.

От Кэрри требовалось присмотреться к Соловью (позывной, которым наградили Таху ад-Доуни) как можно ближе при первой встрече, при второй дать разглядеть себя и шепотом назначить время и место для третьей. Вот и все, как по учебнику.

Если информатор опаздывает, по протоколу полагалось выждать пятнадцать-двадцать минут и ретироваться. Новую встречу следовало назначить, только если у контакта имелась очень уважительная причина не явиться на предыдущую. При этом ближневосточное время, подразумевающее

опоздание на полчаса (если не полдня), или пятничная пробка на бульваре Фуада Шехаба (между пятью и семью вечера, когда бизнесмены спешат на встречу с любовницами в укромных квартирках района Хамра), его не оправдывают.

Вот только Кэрри совсем не хотела отменять встречу. Источник – Дима, симпатичная ливанка, католичка, которая каждый вечер зависает в открытом баре на крыше в «Ле-Грей», что в Центральном районе, – назвал две причины, по которым за ад-Доуни надо драться зубами и когтями. Во-первых, он член ГУБ, Главного управления безопасности, жестокой сирийской тайной службы, а значит, у него прямая связь с режимом Асада в Дамаске. Во-вторых, он нуждается в деньгах: хитрая любовница из Египта трясет его как грушу.

Кэрри взглянула на часы: прошло почти полчаса. Да где этот Соловей?! Кэрри оглядела зал кинотеатра, заполненный на три четверти. С начала сеанса больше никто не входил. На экране Гарри Поттер, Рон и Гермиона следили, как Грозный Глаз Грюм накладывает заклятие Империиус на страшного паука.

Натянутые нервы звенели, как скрипичные струны, но Кэрри больше доверяла инстинктам. Просто временами казалось, будто ее нервную систему спроектировали те же придурки, на чьей совести схема электроснабжения Вашингтона. Врачи назвали это биполярным аффективным расстройством. В медицинском центре Принстона Кэрри посоветовали психиатра, и тот описал болезнь так: психическое рас-

стройство, при котором периоды гипомании сменяются депрессией. Сестра Кэрри, Мэгги, объяснила все куда проще: «Сначала ты думаешь: “Я самая умная, красивая и сногшибательная”, а потом: “Убить, убить всех!” – и так по кругу».

Впрочем, инстинкт все равно подсказывал: Соловей ненадежен.

Ждать она больше не могла. На экране Гермiona умоляла профессора Грюма прекратить истязать паука. Шум, гам, спецэффекты... Самое время, чтобы свалить.

На улице Кэрри почувствовала себя незащищенной и слишком заметной. В каком-то смысле любая западная женщина на Востоке всегда слишком заметна, и единственный способ для нее слиться с толпой – надеть вуаль и абайю¹, надеяться, что никто не станет к ней присматриваться. Однако Кэрри – стройная, длинноволосая блондинка, типичная американка – никак не сумела бы сойти за местную, разве что издалека. Да и потом, мусульманская одежда – не выход на севере Бейрута, где женщины носят все: от хиджабов до облегающих дизайнерских джинсов, а то и вовсе сочетают и то и другое.

Пока она сидела в кинотеатре, на улице успело стемнеть. На проспекте Мишеля Бустроса было полно машин, свет их фар в сочетании со светом из окон офисных и жилых зданий создавал причудливую мозаику света и тени. Кэрри огляделась, проверяя, не следят ли за ней. Если информатор не

¹ Традиционное длинное арабское платье.

явился, почти всегда следует ждать беды...

И тут у Кэрри чуть сердце не остановилось.

Соловей сидел за столиком кафе через дорогу и смотрел прямо на Кэрри. Что-то точно пошло не так, ведь Дима вчера передала ему инструкции. Он что, спятил?

Дальше Соловей сделал нечто невероятное: поманил Кэрри жестом руки, который в Америке означает «уходи», но здесь, на Ближнем Востоке, – «подойди». Все стало на свои места – как цветные стеклышки в калейдоскопе. Ловушка! Ад-Доуни – разведчик, матерый профессионал и просто не может вести себя как любитель.

Кто постарался? Коллеги ад-Доуни? «Хезболла»? Ни те ни другие не погнушаются убить агента ЦРУ, а еще лучше взять его в плен. Для них поймать привлекательную блондинку разведчицу – это как сорвать джек-пот в лотерею. Кэрри живо представила, какую шумиху поднимут ливанские власти: покажут ее по местным и международным телеканалам, изобличая интриги американского правительства, а после запрут в подвале и станут пытаться и насиловать, ведь она – шпион, да и любая западная женщина в глазах восточного мужчины – шлюха.

Ад-Доуни тем временем повторил жест, и Кэрри краем глаза заметила: из фургона на ее стороне улицы вышли два араба и направились к ней.

Сейчас ее похитят. Не пройдет и минуты, как Кэрри возьмут в заложники...

Целиком положившись на инстинкт, она пошла назад в кинотеатр.

– Я кое-что забыла, – сказала она по-арабски билетеру в вестибюле.

Щурясь в темноте, Кэрри прошла к запасному выходу. На экране Гермiona стирала память одному из парней, что напали на нее в кафе. Арабы не отстанут, сообразила Кэрри, возвращаясь к проспекту. Она выглянула из-за угла, но Соловей уже исчез. Преследователи, должно быть, вошли в кинотеатр.

Кэрри выбежала на проспект, свернула за угол и устремилась вниз по узкой улочке, подальше от дорожного движения. Сколько человек за ней выслали? (Кэрри проклинала себя за то, что надела туфли на каблуках, но они были частью прикрытия: ни одна уважающая себя женщина в Бейруте не станет носить туфли на плоской подошве, разве только с абайей.) Всего двух агентов точно бы не послали. Если, конечно, преследователи серьезно настроены.

Кэрри остановилась и сняла туфли.

И без того темную улицу затеняли кроны деревьев. Народу было немного, хотя от местных шпионов и в толпе не укроешься. Вот двое арабов показались из-за угла. Один достал из-за пазухи пистолет с глушителем, и Кэрри побежала. Черта с два ее сцапают! Она же бегунья, кого хочешь обгонит.

Что-то звонко чиркнуло об асфальт, и ногу Кэрри боль-

но ужалило. Обернувшись, она увидела на тротуаре белую канавку от пули. В Кэрри стреляли! Она нырнула влево, затем сразу вправо. Коснулась ноги. Сквозь дырку в джинсовой штанине сочилась кровь. Должно быть, ногу оцарапало осколком асфальта. Кэрри бежала со всех ног, шлепая босыми ступнями по тротуару. Свернув за угол, она оказалась на пустой улочке. Надо было предпринять хоть что-то, и быстро. Слева она заметила большой дом за кованым забором. Справа маячила белым пятном в темноте греческая православная церковь.

Кэрри помчалась к церквушке. Остановившись у боковой двери, подергала за ручку – заперто. Кэрри обернулась – двое арабов бежали в ее сторону. Сердце грохотало в груди. Оба шпиона сжимали в руках пистолеты с глушителями. Из-за угла на противоположном конце улицы выехал седан «мерседес». Машина резко остановилась, и из нее вылезли сразу четверо арабов.

Твою мать!

Кэрри бросилась к парадной двери церкви. Распахнула ее и скрылась внутри.

В церкви было где-то с дюжину прихожан, и почти все – женщины в черном. Одни зажигали свечи, другие целовали иконы, третьи просто стояли у алтаря с ковчегами и иконами. Навстречу Кэрри по проходу шел молодой священник с бородой и в черной рясе.

– Христос с нами, – приветствовал он ее на арабском.

– Воистину, отче, – тоже по-арабски ответила Кэрри. – Мне нужна помощь. У вас есть черный ход?

Священник машинально глянул вбок, и как только запахнулась парадная дверь, Кэрри кинулась в сторону, куда посмотрел поп. В церковь ворвались четверо из «мерседеса», вооруженные автоматическими винтовками. Закричала женщина, и паства бросилась врассыпную. Один только священник сохранял спокойствие. Он направился к непрошеным гостям.

– *Bess!* – крикнул он. «Стойте!». – Вы в доме Господа нашего Бога!

Один из арабов оттолкнул его в сторону и побежал по проходу к алькову, где скрылась Кэрри. Там, за ширмой, находилась задняя дверь.

Кэрри выбежала наружу. Тропинка вела к проспекту, а перпендикулярно ей, за живой изгородью, располагалась парковка. Кэрри выбрала парковку. Услышав приглушенный звук выстрела, нырнула вправо, потом через проход в изгороди вылетела на проспект Шарля Малека, широкую главную улицу, полную машин и народу. Кэрри выбежала прямо на середину проезжей части, огибая машины, не обращая внимания на гудящие ей вслед клаксоны. Загорелся зеленый, и машины тронулись с места. Краем глаза она успела заметить, что четверо с винтовками уже стояли на тротуаре у дороги. Пара секунд, и ее заметят.

Кэрри стояла на разделительной полосе в каких-то восемь

дьюмов шириной. Кто-то ущипнул ее за зад, высунувшись из проезжающей мимо машины, но Кэрри даже не обернулась. Она судорожно соображала, как скрыться из виду.

Мимо проезжало такси, и на заднем сиденье Кэрри заметила свободное место. Она выскочила на дорогу и взмахнула рукой, крикнув: «Хамра!» Такси как раз ехало на запад, а недалеко от Хамры, в квартале Рас-Бейрут имелась конспиративная квартира ЦРУ. Только бы добраться до нее незамеченной. Такси остановилось посреди дороги, и Кэрри под возмущенный гул клаксонов запрыгнула в салон.

– *Salaam alaikum*, – пробормотала она невольным попутчикам, надевая туфли и доставая из сумочки черный хиджаб.

Надев платок, она закинула один его конец за плечо и заодно украдкой обернулась. Один из преследователей указал коллегам на такси и произнес что-то. Кэрри откинулась на спинку сиденья, прячась за попутчиками: пожилой дамой в сером костюме, что с нескрываемым любопытством смотрела на Кэрри, и парнем в свитере (должно быть, студентом). На переднем пассажирском сиденье девушка трещала по телефону, ни на кого и ни на что не обращая внимания.

– *Wa alaikum salaam*, – ответили студент и дама в костюме.

– Вам куда? – спросил водитель. Он дал газу и вклинился между впереди идущих машин, выиграв несчастные несколько метров.

– «Централ банк», – ответила Кэрри, не желая выдавать местоположение конспиративки. Тем более что погоня так

просто не отстанет, надо будет сбросить «хвост». А банк – недалеко от убежища, Кэрри успеет попетлять, запутать следы.

Она протянула водителю купюру в две тысячи ливров и, достав из сумочки пудреницу, раскрыла ее так, чтобы в зеркальце было видно заднее окно. Она не заметила преследователей. Если фургон или «мерседес» и ехали за ней, то сильно отстали. Впрочем, погоню было рано списывать со счетов, а значит, случайных попутчиков Кэрри тоже подвергала опасности. Нужно было как можно скорее покинуть их.

Убрав со лба прядку волос и оглядевшись, Кэрри спрятала пудреницу.

– Больше так не делайте, – заметила пожилая дама. – Не выбегайте на проезжую часть.

– Мне много чего нельзя делать. – Желая отвести ненужные подозрения, Кэрри добавила: – Так постоянно твердит муж.

Кэрри как бы случайно сверкнула обручальным кольцом. Она всегда надевала его на встречи, желая предотвратить то, что Верджил из отдела электронного наблюдения называл «Эверестовым сексом». (Нежелательный секс, секс с нежелательным партнером или «слишком высокий пик».)

Они выехали на бульвар Генерала Фуада Чехаба, главную транспортную артерию, соединяющую восток и запад северной части Бейрута. Движение тут было куда оживленнее. Если Кэрри возьмут прямо в такси, то сделают это здесь и сей-

час. Она заозиралась по сторонам: кругом грузовики и легковые машины; девчонка на переднем сиденье произнесла в трубку: «Знаю, *habibi*². Чао». Она нажала «отбой» и тут же принялась строчить текстовое сообщение.

У высокого прямоугольного здания водитель свернул на бульвар Фахреддина: тут стояли только новостройки (старые дома были разрушены во время затяжной гражданской войны), впереди маячили башенные краны. Такси повернуло налево, и через несколько кварталов водитель сбавил ход, ища, где бы остановиться.

Кэрри глянула в заднее окно: погоня не отставала.

В четырех машинах от нее плелся «мерседес». Шпионы подождут, когда Кэрри выйдет из такси, и схватят ее.

Что делать?

Такси тем временем остановилось у высотного дома. Кэрри напряглась. Вот-вот ее схватят: «мерседес» подъедет и заблокирует дорогу, таксист не сможет отъехать, и Кэрри окажется в ловушке.

Что, ну что делать?!

Пожилая дама кивнула попутчикам и вышла на улицу. Помедлив секунду, Кэрри выбралась из салона следом, подошла и взяла ее за руку.

– Вам же в «Централ банк»! – удивилась дама.

– Я в беде, – призналась Кэрри. – Прошу, не выдавайте меня, госпожа.

² Обращение к мужчине: дорогой, любимый (*араб.*).

Женщина пораженно уставилась на нее.

– В беде? Серьезно? – спросила она, подходя к подъезду.

Кэрри глянула через плечо: такси отъехало, и на его место встал «мерседес».

– Серьезнее некуда. Скорей, или нас убьют!

Кэрри вбежала в подъезд, увлекая женщину за собой.

Пролетев через вестибюль, они остановились у лифтов и нажали кнопку вызова.

– Не поднимайтесь к себе, – предупредила Кэрри. – Лучше выйдите этажом выше и спуститесь пешком. Запритесь и хотя бы час никому не открывайте. Простите, что так вышло.

Она взяла ладонь женщины в обе руки.

– Пойдите, – сказала та и открыла сумочку. – На парковке стоит моя машина, красный «рено».

Она протянула Кэрри ключи.

– Через час заявите об угоне, – ответила Кэрри, принимая ключи. – Знаете отель «Кроун-плаза» у торгового центра?

Женщина кивнула.

– Если получится, оставлю машину там, – пообещала Кэрри.

Она устремилась к боковой двери, что вела на стоянку.

– *Shokran*³, – обернувшись, поблагодарила она женщину, которая тем временем вошла в лифт.

Кэрри вышла на стоянку. Красный «рено» стоял припаркованный в ряду машин у низкой живой изгороди. Кэрри

³ Спасибо (араб.).

подбежала к «рено», села в него и завела мотор. Поправив зеркало заднего вида, увидела двух разведчиков: тех самых, что ворвались за ней в церковь. Сдала назад, выруливая к выходу с парковки. Шпионы побежали за ней; один, с пистолетом, прицелился в машину.

Инстинктивно пригнувшись, Кэрри круто развернула «рено» и, выжимая из него всю мощь, выехала на дорогу. Пуля пробила заднее стекло, покрыв его паутиной трещинок.

Кэрри снова резко развернулась и посмотрела в сторону парковки. Стрелок прицелился второй раз, прямо в Кэрри. В последний момент она ударила по тормозам и стукнулась затылком о подголовник. Пуля, пробив боковое стекло, прошла мимо, чуть не задев Кэрри щеку.

Позади гудели клаксоны, и Кэрри, надавив на педаль газа, понеслась вниз по дороге, высматривая, куда бы пристроиться, кого обогнать. В зеркало заднего вида она заметила, как один из арабов бежит к припаркованному у тротуара «мерседесу».

Господи, только бы ту женщину не тронули. И зачем арабы стреляют в Кэрри? Что вообще происходит? Агент ЦРУ для «Хезболлы» или сирийской разведки – ценный заложник. Какой прок от мертвой шпионки?

Не включая поворотников, Кэрри резко сдала вправо, свернула за угол и понеслась вверх по узкой улочке. Впереди дорогу переходил мужчина. Кэрри даже не подумала тормозить: надавила на клаксон и только чудом, в последний мо-

мент, успела объехать пешехода. Тот показал ей оттопыренные большие пальцы (местный аналог «fuck you»). Кэрри и тогда не сбавила скорость, свернула влево и глянула в зеркало заднего вида – никто за ней не гнался.

Она выехала обратно на Хамру, узкую улицу с плотным движением и толпами людей. Здесь ее уже было не догнать ни на «мерседесе», ни пешком. По тротуарам тек густой поток пешеходов всех возрастов, среди которых были и модницы, и несколько женщин в хиджабах; кафе приветливо светили неоновыми вывесками, из открытой двери клуба доносились звуки хип-хопа.

Дальше Кэрри ехала на запад, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида, а вокруг нее горел яркими огнями ночной город. Приспустив стекло, Кэрри впустила в салон звуки голосов и музыки, запахи шаурмы и дыма из кальянных. «Хвоста» видно не было. Вполне возможно, арабы пересели из «мерседеса» в фургон, но и его Кэрри нигде не заметила.

Рано, рано расслабляться! В поисках улизнувшего агента ЦРУ местные шпионы перевернут город вверх дном. Если они схватили водителя такси, он может расколоться и выдать, куда вез Кэрри, тогда арабы прочешут весь район Хамры.

Господи, хоть бы до хозяйки «рено» не добрались! Кстати, пришло время избавиться от машины.

Впереди Кэрри заметила «Кроун плаза», высотный отель с красным светящимся логотипом на крыше. Она проехала

мимо гостиницы ко въезду в торговый центр и, поплутав минут пятнадцать, наконец отыскала свободное парковочное место. Оставила ключи на коврике в машине и, покинув салон, быстро вышла со стоянки. Затесалась в толпу покупателей, что в несколько потоков приходили и уходили – благо вход в торговый центр имелся не один.

Кэрри бродила по магазинам, глядя в зеркала, удостоверюсь, что слежки нет. Оглянувшись в последний раз, она наконец покинула торговый центр и пошла прочь от толпы вверх по улице Гемайеля, в сторону кампуса при Американском университете.

Она дважды обошла квартал, потом другой – двигаясь в противоположном направлении, чтобы убедиться, что «хвоста» нет. Слежку она обнаружила бы, даже если шпионы сменили транспорт.

Наконец и дышать стало легче.

Похоже, Кэрри оторвалась. Впрочем, рано радоваться: разведчики поставят весь район на уши, лишь бы найти ее. Надо как можно быстрее добраться до конспиративки. Главное – держаться подальше от толпы на улице Хамра, там Кэрри легко заметить.

Она направилась к университету и для пущей надежности примазалась к группе студентов, которые никак не могли решиться, куда лучше сходить и поесть манеиш (нечто вроде местной пиццы). Две девушки из группы были местные, один парень приехал из Иордании... Кэрри как будто на

мгновение вернулась в юность. Остановившись у лавочки, студенты пригласили ее в свою компанию, но Кэрри, пожав плечами, пошла дальше. До конспиративки было рукой подать. Минут двадцать спустя Кэрри оказалась на улице Адонис, узкой пешеходной аллее, вошла в дом и на лифте поднялась на восьмой этаж.

Покинув кабину, Кэрри первым делом осмотрела коридор и лестницу, прислушалась – лифт пошел дальше вверх, – и только потом направилась к квартире. Осмотрела косяк, ища следы взлома, и ничего не заметила. Глазок был оборудован встроенной камерой; заглянув в него, Кэрри подала условный сигнал: дважды постучалась в дверь, готовая, если что, убежать. Никто не ответил. Тогда Кэрри постучалась еще раз и достала из сумочки ключ.

Открыв дверь, она никого не застала внутри.

Какого дьявола? Конспиративка не должна пустовать!

Задернув занавески на окнах, Кэрри заперла за собой дверь и осмотрела обе спальни: первая была заставлена койками, вторая – оборудованием. Кэрри открыла ящик комода, в котором хранилось оружие, и взяла себе «глок-28», плюс четыре обоймы к нему. «Глок» идеально ей подходил: легкий, небольшой, со слабой отдачей, а пули калибра 380 пробьют что угодно. Зарядив пистолет, Кэрри сунула его и запасные обоймы в сумочку.

Подойдя к окну, она чуть отогнула занавеску и выглянула на улицу, освещенную единственным фонарем. Если за ней

и следят, то шпионы прячутся в тени деревьев или в припаркованных в темной части улицы машинах.

– Черт, надо выпить, – сказала себе Кэрри и прошла в гостиную, к бару. На ходу бросила взгляд на кофейный столик – там стоял включенный ноутбук, на экран которого выводилось изображение с камер наблюдения: в глазке, в коридоре и на крыше дома. Ничего подозрительного...

В баре Кэрри нашла ополовиненную бутылку водки «Грей гус» и налила себе четверть бокала. Эх, не время пьянствовать, но сейчас плевать хотелось на правила. Из сумочки Кэрри выудила таблетку клозапина и хмуро подумала: надо раздобыть еще лекарства на черном рынке, в районе Зариф.

Запив таблетку водкой, Кэрри посмотрела на часы: 19:41. Кто в бейрутском отделении сидит на коммутаторе в такой час? Линда. Линда Бенитес работать будет до самой полуночи.

Правда, перед звонком надо все обмозговать. Случившееся просто не укладывалось в голове. Встречу с Соловьем организовала Дима. Тусовщица, даже не «голубка», Кэрри не сама ее вербовала. Дима досталась ей «в наследство» от Дэвиса Филдинга, шефа бейрутского отделения ЦРУ. Дима – из его людей. Ох и влетит этой девке... если только она не двойной агент или Соловей ее не надул. Диме тоже могла грозить смертельная опасность.

И ведь с ней не связаться. Просто так Диме не позвонишь. На конспиративке имелось несколько телефонов: по двум го-

ворить запрещается, третий – только для входящих звонков. Еще один, с голосовым скремблером, связан с суперзащищенным коммутатором в посольстве США, в Аукаре, а это в самой дальней северной части города. Сотовым тоже не воспользуешься – за Кэрри могут следить по GPS.

Думай, думай, мысленно приказала себе Кэрри. Если за нее взялся другой агент сирийской разведки, то как он вышел на Кэрри? Через Диму. Больше никак. Чего-то Филдинг о своей пташке не знает. Это ведь он отправил Кэрри на встречу с Соловьем.

– За контакт внутри сирийских спецслужб мы на все пойдем, – признавался он. А еще Филдинг уверил Кэрри, что прикрытия ей не понадобится: – Дима надежна. Она дает нам немного, но то, что дает, – на вес золота.

Вот сукин сын! Неужто он ее трахает? Секс с Димой – это он ценит на вес золота? Кэрри ведь хотела взять на задание Верджила Маравича, лучшего спеца по электронным примочкам, прослушке и наблюдению, но Филдинг отказал ей. Мол, Верджил ему самому для чего-то нужен. «К тому же, – говорил он, – ты девочка взрослая, сама справишься».

То есть, если Кэрри не справится, ее выдворят из Бейрута, из высшей лиги.

– У нас тут свои правила, – заявил Филдинг, когда Кэрри только поступила в его распоряжение. Обосновался он в кабинете на самом верхнем этаже посольства и говорил с Кэрри, развалившись в кожаном кресле, на фоне окна с видом на

здание муниципалитета. Крупный и светловолосый, он уже начал полнеть; нос Филдинга имел красноватый оттенок, выдавая в нем любителя пожрать и выпить. – Вторых шансов мы не даем, и тут, на Ближнем Востоке, всем плевать, что ты – женщина. Облажаешься, ошибешься – и, сто к одному, тебе крышка. Даже если и не умрешь, тебе здесь не место. Бейрут с виду город цивилизованный: полно клубов, красоток в дизайнерских шмотках, еда здесь приличная и люди – одни из самых образованных в мире, но не обманывайся. Ты на Ближнем Востоке. Стоит оступиться, и эти люди растерзают тебя, а после сразу отправятся кутить дальше.

Какого черта происходит? Встречу устроил человек Филдинга, и Филдинг отправил Кэрри в западню – без прикрытия. Но ведь он уже давно управляет отделением ЦРУ в Бейруте, и встреча со связным намечалась стандартная. Филдинг не ожидал подставы, а Кэрри между тем чуть не похитили, чуть не убили. Филдингу такое даром не нужно.

Кэрри глубоко вдохнула. Бред какой-то...

Стоп! Что это? Шум в голове... Неужели таблетка не действует?

Кэрри встала. Надо что-то делать, но что?

Кожу начало покалывать. Господи, только не это. Неужели заскок (так Кэрри называла маниакальную фазу расстройства)?

Кэрри принялась мерить шагами комнату. Подошла к окну, с трудом сдерживая порыв отдернуть шторы и показать-

ся невидимым наблюдателям, мол, вот она я, смотрите, подонки!

Так, нет, хватит дурить! Все хорошо, надо лишь подождать, пусть клозапин и водка подействуют. Хотя зря Кэрри смешала их.

Она потянулась к занавеске. Осторожно, аккуратно... Отогнула самый уголок и выглянула на улицу.

У тротуара, прямо напротив подъезда припарковался тот самый «мерседес». Из него вышло трое – они сразу направились ко входу. Страх пронзил Кэрри, как удар током. Она сильно сжала бедра, чтобы не обмочиться.

Не может быть! Это же конспиративная квартира! Кэрри не могли выследить, она оторвалась от погони еще на улице Хамра и дважды проверила, нет ли «хвоста». За ней не гнались: ни пешком, ни на машине.

Шпионы вошли в дом. На побег оставалось всего несколько секунд. Кэрри схватила защищенный телефон и позвонила в посольство. Ответили после второго гудка.

– Добрый вечер, Бюро культурных услуг США.

Кэрри узнала слегка искаженный защитой голос Линды Бенитес, с которой была шапочно знакома.

– Амарилло, – назвала Кэрри кодовое слово. – Соловей – подставной.

– Подтвердите столкновение.

– Нет времени. Периметр «Ахиллеса» нарушен. Черт, вы что там, пишете меня? – чуть не прокричала Кэрри. («Ахил-

лесом» называли конспиративную квартиру.)

– Принято. Ваше местоположение и статус? – спросила Линда. Она не просто записывала разговор, а дотошно следовала протоколу, спрашивая: мобильна ли Кэрри и может ли действовать? Или же ей грозит плен?

– Я уйду. Передайте сами знаете кому: завтра я с ним поговорю, – резко добавила Кэрри и повесила трубку.

На секунду она, будто балерина, привстала на цыпочки, решая, как спастись. Надо бежать, но куда? За ней пришли трое, плюс еще один, наверное, остался в «мерседесе». Арабы будут подниматься сюда и на лифте, и по лестнице.

Как выбираться? Это конспиративная квартира, такие нештатки просто не предусмотрены.

На месте оставаться нельзя. Преследователи найдут, как проникнуть в квартиру: либо через дверь, либо через окно или балкон. В крайнем случае – через стену смежной квартиры. А войдя, они откроют огонь. Одного или двух Кэрри подстрелить успеет, но не всех троих. Затяжной перестрелки на полминуты не выйдет. В коридор тоже путь отрезан, лифтом и лестницей не воспользоваться – Кэрри будут караулить. Враги небось уже стоят у порога.

Кэрри подошла к двери и закрыла ее на засов.

Остаются балкон и окно.

Кэрри направилась в спальню, и тут из коридора послышались какие-то звуки. Кэрри замерла в ужасе. Бросилась к ноутбуку: по коридору шли трое арабов, они методично

проверяли каждую квартиру на этаже. Прислушивались, что происходит внутри, приставляя к дверям какой-то прибор. Еще минута – и они доберутся до Кэрри.

Она кинулась в спальню и открыла кладовку со снаряжением. Хоть бы внутри оказалась веревка или еще что... нет, веревки не было, только смена мужской одежды. Костюмы, туфли, ремни... Ремни! Кэрри схватила три ремня, сцепила их вместе, получив длинный пояс, и вернулась за ноутбук.

На экране трое арабов прилаживали что-то к двери в конспиративку. Взрывчатка! Кэрри выбежала на балкон через спальню и застегнула ремень на кованой оградке. Перегнулась через перила и глянула на «мерседес». Никто не выскочил из машины, никто вроде бы даже не смотрел на нее. Тогда Кэрри оглядела балкон этажом ниже – есть там кто или нет, она не поняла. Да и какая, собственно, разница! Арабы вот-вот разнесут в щепки дверь, а вместе с ней, может быть, и всю квартиру. Пара секунд – и Кэрри мертва.

Она потуже затянула ремень, подергала – вроде бы держит. Перебравшись через оградку, Кэрри стала потихоньку спускаться. В квартире внизу свет не горел – значит, дома никого. Чувствуя, как дрожат от напряжения руки, Кэрри встала на перила. Оттолкнулась, одновременно выпустив ремень, и скользнула на балкон. В тот же миг наверху прогремел оглушительный взрыв, потрясший все здание.

Конспиративку накрыли. В ушах у Кэрри звенело. Она рукояткой «глока» пробила дыру в балконной двери и, просу-

нув в отверстие руку, открыла ее.

Надев туфли, чтобы не поранить ноги о битое стекло, подбежала к двери, вышла в коридор и помчалась к лестнице. Воспользовалась служебной дверью на первом этаже и шмыгнула в переулок позади дома. Осторожно вышла к боковой улице, огляделась – вроде бы никого. Арабов за углом не оказалось. Снова сняв туфли, Кэрри сорвалась с места, и ее стройная фигурка исчезла во тьме.

Глава 2

Центральный район, Бейрут, Ливан

– Что пошло не так? И смотри не заливай, положение у тебя щекотливое, Кэрри, – предупредил Дэвис Филдинг, зябко потирая ладони.

Они расположились у него в кабинете, в старомодном здании на улице Маарад, близ площади Неджме, где стояла знаменитая Часовая башня. Здесь местная резидентура устроила прикрытие: общество с ограниченной ответственностью «Ближневосточное морское страхование» – настолько правдоподобное, что оно даже продавало страховые полисы.

– Это ты мне скажи. Встреча с Соловьем – твоя идея, Дима – твой агент, – ответила Кэрри, потирая глаза. Она устала и была очень зла. К Дэвису пришла, даже не переодевшись, поспав накануне всего несколько часов на диване в гостиной у Верджила и пробежав до того всю ночь по Бейруту в поисках Димы.

– На кого бочку катишь?! – прорычал Филдинг. – Дима – твоя пташка, ты с ней работала. Ты мне рассказала о Соловье, а я только дал добро на встречу. Все. Это был пробный контакт, ничего более, но за тобой с какого-то хрена по всему Бейруту гонялись, как ты говоришь, убийцы, и ты их привела на конспиративную квартиру! Поставила под угрозу наше здесь пребывание, а оно, как тебе должно быть известно,

весьма ненадежное, – закончил он, постукивая по столу указательным пальцем.

– Никуда я их не приводила!

Как он не понимает? Кэрри оторвалась от погони, ее за это хвалить полагается. Откуда такая толстолюбовость?

– Я сбросила «хвост», никто за мной не шел. Угнанную машину я оставила у «Кроун плаза» и дальше отправилась пешком, на все сто уверенная, что погони нет. Для верности еще целый час бродила по торговому центру, петляла по соседним районам, меняла направление... За мной не следили: ни пешком, ни на машине, ни при помощи электроники, ни даже в окуляр телескопа с расстояния в двадцать миль. Лучше признай, Дэвис, в нашей обороне есть брешь.

– Хрена с два. Ты облажалась и теперь ищешь оправдание. Я тебя предупреждал, Мэтисон: здесь мы играем по бейрутским правилам. Давай-ка повторим еще раз. Во-первых, где Дима?

– Это я у тебя хотела спросить. После провала с контактом и взлома убежища я полночи носилась по городу в поисках Димы. Не ори на меня, лучше задайся вопросом: не двойной ли она агент? Вдруг Дима меня подставила? Если и нет, то с каких пор ты стал такой доверчивый?

– Мы не знаем точно, подставили ли тебя. Может, Соловей спутал место встречи, и ты запаниковала? Может, он живет по ливанскому времени? Может, напился? Черт, Кэрри, планировалась мимолетная встреча: ты смотришь на него,

даешь ему посмотреть на свои сиськи и забиваешь новую стрелку. Ты запаниковала, признай.

Лицо Филдинга налилось румянцем, как у Санты, зато синие глаза оставались холодны как лед.

– Неправда. Тебя там не было. Соловей махнул мне рукой, – возразила Кэрри и повторила жест, которым Соловей подзывал ее. – Он – старший офицер спецслужб, мы с ним должны были увидеться первый раз, а он махал мне так, будто мы – домохозяйки на прогулке. Я что, по-твоему, дурочка?

– Может, у них так заведено? Вдруг он решил, что ты напортачила? В конце концов, ты женщина, только плакаться и умеешь. На Ближнем Востоке тебя ни один мужик всерьез не воспримет. И будет прав, если учесть твои действия прошлым вечером.

Сердце грохотало в груди. Какого дьявола?! Прошлой ночью провал чуть не стоил Кэрри свободы и жизни. Начальник мог бы и поддержать.

– Черт возьми, за мной гонялись двое в фургоне и четверо в «мерседесе»! Меня похитить хотели! В меня стреляли! Вот, полюбуйся!

Кэрри показала Филдингу царапину на ноге.

– Ну да... и ты привела убийц прямоком на конспиративную квартиру, где они спокойно отработали штурм вражеского убежища! – отрезал Филдинг. – Тебе это зачтется, поставлю отметку в досье, – добавил он. – Обязательно постав-

лю.

Кэрри вскочила на ноги.

– Послушай, Дэвис, – сказала она, еле сдерживаясь. – Затеается что-то крупное. Ты не спрашивал себя: чего ради местным понадобился оперативник ЦРУ? Если Соловей – двойной агент, они могли годами скармливать нам дезу, а мы бы жрали ее, как свиньи – помои, и радовались. Скажи, зачем им я?

– Сядь-ка, – одернул ее Филдинг. – Ты что это удумала? Я с тобой еще не закончил.

Кипя от гнева, Кэрри все же вернулась на место. Она готова была выцарапать Филдингу глаза. Такая ярость ее обуяла, такую силу она в себе ощущала... Господи, неужто снова заскок? Кэрри почти не владела собой, она готова была убить Филдинга собственными руками.

Надо собраться. Собраться и успокоиться.

– Это Дима представила информатора. Нельзя списывать ее со счетов, – осторожно напомнила Кэрри.

– На звонки не отвечает?

Кэрри покачала головой.

– В тайнике – тоже ничего.

Для срочной связи с Димой Кэрри оставляла сообщения в дупле дерева в парке Санайе. Провырнувшись по клубам, Кэрри отправилась туда, но в тайнике было пусто. Тогда она оставила на ветке отметку мелом – мол, срочно свяжись со мной. Теперь Кэрри терзало дурное предчувствие.

– Куда еще ты заходила?

– В «Ле-Грей», «Виски», «Пале», к Диме домой... молчи, Дэвис, я была осторожна. Смотрела везде. Диму никто не видел. Я вскрыла замок в ее квартире, там было пусто. Похоже, Дима не приходила домой уже несколько дней.

– Подумаешь... загуляла с каким-нибудь папиком из Эр-Рияда, вот и все.

– Или ее сейчас пытаются... если не убили. Она раскололась, Дэвис. Надо учитывать и такую возможность.

– Не торопись. – Филдинг прикусил губу. – Что еще?

– На конспиративке никого не было. Почему?

– Бюджет. Вашингтон оставил нас на бобах. – Филдинг пожал плечами. – Столица правит балом, нам пришлось урезать расходы. Значит, ты сбросила «хвост»? За тобой гнались, ты оторвалась... И никто не шел за тобой до «Ахиллеса»? Что со старухой, у которой ты угнала тачку? – Он сложил домиком указательные пальцы и впился в Кэрри испепеляющим взглядом. – Как она могла дать машину незнакомке? Иностранке?

Кэрри сглотнула.

– Человек попался хороший. Женщина женщине не откажет. Она видела, что мне грозит беда. – «Видела, что я в отчаянии».

– Или она агент и спалила тебя. Ну, или ее убедили поделиться инфой, – сказал Филдинг, щелкнув ногтем о ноготь. Он что, с ума сошел? Что за бред?!

– Она понятия не имела, куда я направляюсь. Я же предупредила ее, что оставлю машину у «Кроун плаза», там и оставила. Про «Ахиллес» эта женщина не знала.

– Зато любой бейрутец знает, что «Кроун плаза» – на улице Хамра. Убийцам не составило труда вычислить твоё направление. Оставалось только накрыть территорию колпаком. Вечер пятницы, толпа, полсотни наблюдателей – и ты никого не заметила. – Филдинг с отвращением покачал головой. – Передо мной шпион-любитель, проваливший элементарное задание!

– Брехня! Я сбежала из смертельной ловушки «Хезболлы»! Это ты называешь провалом? – Кэрри снова вскочила на ноги. Ее мутило. Что происходит? Ее что, уволят? – К чему ты клонишь? По-твоему, лучше бы меня убили? Взяли в плен?

– Я к тому, что твоя работа здесь окончена. Ты не оправдала надежд, а нам теперь еще новую конспиративку устраивать.

– А мои информаторы? Они на меня рассчитывают.

В голове набатом стучала кровь. Кэрри прежде ни разу ниоткуда не увольняли, и чувствовала она себя как никогда отвратительно.

– На первое время Дима и прочие твои пташки отойдут под мое начало. Поговори с Кэррол, пусть организует твой отлет, – распорядился Филдинг. – И еще я позвоню Беренсону. Ведь это он мне тебя навязал.

– Значит, так, да? Столько работы проделано, и вот меня списывают за ошибку, которой я не совершала?

– Пакуй вещи, Кэрри, ты возвращаешься в Лэнгли. Подыщешь себе другое полезное дело. В конце концов, не все созданы для оперативной работы.

– Ошибаешься, Дэвис, – возразила Кэрри, стиснув зубы. Впрочем, зря она распиналась. – «Хвоста» за мной не было. Произошла утечка данных, нужна тотальная проверка.

– Там видно будет, – сказал Филдинг и, жестом велел ей уходить, поднял трубку телефона.

* * *

По пути в аэропорт Верджил Маравич свернул с дороги Эль-Асад на бульвар Эс-Садр. Время от времени он поглядывал на Кэрри, которая с головы до пят куталась в черную абайю.

– Зря я на это подписался, – сказал он. – Для иностранцев Дахийе – не самое безопасное место.

Да, Верджил прав: Дахийе, что на юге Бейрута, бедный шиитский район, кишачий вооруженными до зубов боевиками «Хезболлы». По пути на юг попадалось множество разбомбленных зданий и пустырей, заросших сорняками и заваленных обломками, – следы израильских бомбежек и затянувшейся гражданской войны.

– Ты меня здорово выручаешь, – ответила Кэрри и пока-

чала головой. – Скажи, Верджил, в чем дело? Что происходит?

– Ты про Филдинга? – ухмыльнулся Верджил. – Он старой закалки, держится правил. Неудача с Соловьем, утечка... Нужен козел отпущения, и ты подошла как нельзя лучше. А с него взятки гладки.

– Вот урод, – сказала Кэрри и посмотрела на Верджила: высокий, худой, лысеющий. Они познакомились, когда Кэрри первый раз наблюдала за объектом в Бейруте. Тогда они тоже обсуждали Филдинга.

– Он тебе про «бейрутские правила» не лечил? – спрашивал тогда с ехидной улыбкой Верджил. – Мол, ошибешься, и эти люди убьют тебя, а после отправятся кутить дальше? Старый козел.

Именно Верджил посоветовал надевать обручальное кольцо, выходя ночью на улицу или отправляясь на встречу с информатором.

– Твоя личная жизнь меня не волнует, – предупредил он, – но если не хочешь стать достоянием всех мужиков или если тебе не нравится, когда тебя лапают, то в этой части мира мужикам лучше сразу дать понять, что ты уже кому-то принадлежишь. Так у них мозги устроены: видят обручалку и не лезут к тебе. Для них шашни с замужней женщиной – строжайшее табу, хуже изнасилования. По крайней мере, кольцо дает тебе выбор.

К Верджилилу Кэрри никогда не тянуло. Она не знала, как

он к ней относится, и выяснять не стремилась. Он был женат, но о супруге не рассказывал, да Кэрри и не спрашивала. Они с Верджилом просто вместе работали. Кэрри уважала его и надеялась, что это взаимно. Да и потом, оба понимали: секс на рабочем месте все портит, а они привыкли полагаться друг на друга.

– Добро пожаловать в настоящее ЦРУ, – морщась, произнес Верджил. С таким же презрением большинство оперативников в Лэнгли относились к костюмам. – С нашей внутренней политикой и вражеских шпионов не надо: все грызутся друг с другом. Жаль, что ты попала под раздачу.

Въехав в район Гобейри, они свернули на боковую улочку, полную детей, пинающих консервные банки, играющих в войнушку, и мужчин, что сидели у витрин лавок за партией в нарды и стаканчиком чая. На торцах зданий были нарисованы гигантские портреты мучеников: почти все юноши, не по годам бородатые. Повсюду, словно стираное белье, висели желто-зеленые флаги «Хезболлы».

Еще в Лэнгли Саул рассказывал:

– Бейрут – как Стамбул, стоит на двух континентах. Север – это Париж, только с пальмами. Дахийе – настоящий Ближний Восток.

– Где у тебя встреча? – спросил Верджил.

– В супермаркете, – ответила Кэрри. – Ей очень трудно выскользнуть из дому.

– Как будем действовать?

– Ты останешься в машине. Мотор не глуши – вдруг придется удирать. Если кто спросит – ты мой телохранитель.

– Ближе никого к себе не подпускай. Твою ирландскую физиономию никакая паранджа не скроет. – Верджил усмехнулся.

– Спасибо, Верджил, ты безотказен. На тебя всегда можно рассчитывать. – Кэрри взглянула на него. – Почему ты мне помогаешь?

Верджил уставился на Кэрри. В абайе и хиджабе она явно смотрелась донельзя странно.

– Ты правда хочешь знать?

– Да, очень.

Верджил кивнул.

– Никому не говори, но ты здесь самая умная. Да и смотреть на тебя чертовски приятно. Ничего удивительного, что Филдинг тебя на дух не переносит. Окажешь мне услугу?

– Все, что угодно.

Верджил ехал по узкой улочке, что поднималась вверх по холму. На обочине у кальянной сидели парни с «АК-47» и, покуривая, следили, как они медленно проезжают мимо. Кэрри еще ниже опустила вуаль.

– Безумие какое-то, – пробормотал Верджил, оглядываясь.

– Я должна это сделать, она доверяет мне одной. Не могу просто взять и бросить ее.

– Ты, главное, не зарывайся. Быстренько все обстряпай, и

я отвезу тебя в аэропорт.

– Хорошо, так и сделаю.

– Очень на это надеюсь, – заметил Верджил, въезжая на улицу с мечетью песочного цвета за баррикадой из мешков с песком. – Тут не поймешь, когда хозяева тебе рады, а когда нет, – предупредил он, оглядываясь по сторонам.

Кэрри кивнула. Она все понимала, но шанс упустить не могла. Из всех информаторов Фатима Али под кодовым именем «Джулия» стала Кэрри ближе остальных. Первый раз они встретились в кинотеатре, и после фильма Фатима призналась, что обожает американские картины (особенно с Джулией Робертс). Под абайей и хиджабом скрывалась симпатичная и невероятно остроумная темноволосая женщина.

Муж Аббас постоянно гнобил ее за то, что она не могла зачать из-за болезненного эндометриоза. Изо дня в день он поколачивал Джулию, обзывал *sharmuta*⁴ и бесплодным куском *khara*⁵. Однажды избил ее монтировкой, наградив шестью переломами, трещиной в черепе и разбив челюсть. Потом взял вторую жену – щербатую девку, которая скоро понесла от него. Тогда Аббас сделал ее старшей и позволил бить Джулию за любую провинность.

Джулия не могла бросить Аббаса, ведь он был командиром бригады «Харакат аль-Махнум» – «Движения притесненных», что относилась к «Хезболле». Беглую жену он вы-

⁴ Шлюха (араб.).

⁵ Дерьмо (араб.).

следил бы и казнил, поэтому от тягот жизни Джулия сбегала в мир кино. Чтобы завербовать ее, Кэрри достаточно было выслушать несчастную женщину. Правда, теперь она бросала Джулию без поддержки и могла лишь предупредить бедняжку с глазу на глаз.

Верджил остановился на немощенной парковке позади маленького супермаркета. Когда Кэрри выбралась из машины, он протянул ей «зиг-зауэр» и предупредил:

– Одна нога здесь, другая – там. Начнется стрельба – прикрыть не смогу.

Кэрри кивнула. Когда она подходила к супермаркету, из динамика на минарете раздался призыв к полуденной молитве. Кэрри внезапно – и неожиданно для себя – поняла, что будет скучать по Бейруту.

Взяв корзину, она прошла в отдел сухих завтраков. Там Джулия – тоже в абайе и вуали – изучала коробку «Поппинс», популярных местных хлопьев. Кэрри и себе в корзину положила «Поппинсов».

– Рада тебя видеть, – сказала по-арабски Кэрри. – Как твой муж, семья?

– *Alhamdulillah*⁶, все хорошо, – ответила Фатима, отводя Кэрри в сторону и стреляя по сторонам глазами. – В чем дело? – прошептала она.

Под урной на мусульманском кладбище близ бульвара Байхума Кэрри оставила послание из одного слова: «Ya'ut»,

⁶ Хвала Аллаху (*араб.*).

что по-арабски значит «рубин» (зашифрованный вызов на срочную встречу). Аббас проверял почту Джулии и прослушивал звонки по телефону. Тайник был единственным средством связи.

– Меня отсылают из Бейрута. Новое назначение, – прошептала Кэрри, когда они шли мимо прилавков.

– Почему?

– Не могу сказать. – Она взяла Джулию за руку, и они пошли рядом, как дети. – Буду тосковать по тебе. Жаль, не могу забрать тебя отсюда.

– И мне, – отвернулась Фатима. – Ты уедешь в настоящую Америку, а для меня она так и останется вымышленным местом из фильмов.

– Клянусь, я еще приеду.

– А что будет со мной?

– Тебя припишут к кому-нибудь другому. – Джулия покачала головой и утерла рукавом слезы. – Тебя не обидят, обещаю.

– Пустое. Я больше ни с кем не буду работать. Пусть вернут тебя.

– Послушай, – сказала Кэрри. – Сейчас меня отсылают.

– Тогда, *inshallah*⁷, от меня они не услышат ни слова.

– В крайнем случае иди на кладбище, – шепотом сказала Кэрри. – Я оставлю кого-нибудь следить за тайником.

– Я должна тебе кое-что сказать. – Джулия огляделась и

⁷ Если на то будет воля Аллаха (араб.).

притянула Кэрри к себе. – Против Америки готовят теракт. Очень крупный.

– Откуда ты знаешь?

Фатима огляделась затравленным зверем. Отойдя в сторонку, она поманила Кэрри. Глянула в проход за угол – убедиться, что никого рядом нет.

– Я подслушала, как Аббас разговаривал с кем-то по служебному сотовому телефону, которым пользуется только для важных звонков.

– С кем он говорил?

– Не знаю. Судя по тону и по осанке – с кем-то главным.

– Что за теракт? – прошептала Кэрри. – Детали тебе неизвестны? Время? Место? Способ?

– Вряд ли Аббаса в них посвятили и вряд ли ему звонили из «Хезболлы». Но теракт будет скоро.

– Когда именно?

– Не знаю, муж сказал просто: «*khaliban zhada*». Понимаешь?

– Да, – ответила Кэрри. По-арабски это значило «очень скоро». Кэрри прошептала Фатиме на ухо: – Есть предположения, где состоится теракт? И насколько большой?

Фатима покачала головой.

– Аббас только ответил: «Аллаху акбар». – «Господь велик», машинально перевела про себя Кэрри. – Мы, конечно, постоянно так говорим, – пожалала плечами Фатима, – но дело в том, каким тоном Аббас это произнес. Было в его голо-

се что-то... жуткое. Жаль, не могу помочь. Затеваешь нечто очень страшное.

– Ты уже помогла. Правда. С тобой все хорошо?

– Нет. – Фатима вновь огляделась. – Мне надо идти, пока нас не заметили вместе.

– Да, знаю. *Shokran*, – поблагодарила Фатиму Кэрри и пожала ей руку. – Мне тоже пора. Береги себя.

– Кэрри, – окликнула ее Фатима. – Ты мой единственный друг. Помни обо мне, иначе я пропаду навеки.

Снаружи раздался автомобильный сигнал. Верджил. Кэрри приложила ладонь Фатимы к своей щеке.

– И я без тебя пропаду, – сказала она.

Глава 3

Лэнгли, штат Виргиния

После нескольких лет в Бейруте и в Ираке было необычно проехать по дороге через лес и как ни в чем не бывало предъявить взятый из депозитной ячейки в банке пропуск охраннику на КПП. Войдя в Разведывательный центр имени Джорджа Буша, Кэрри поразились обилию незнакомых лиц. В лифте на нее никто не обратил внимания.

Юбка, блузка, жакет и офисный макияж ощущались словно маскировка.

«Мне здесь не место», – думала Кэрри. Управленческое окружение всегда казалось ей чуждым.

Всю ночь она не могла уснуть, а закрыв глаза, видела папу, Фрэнка Мэтисона, молодым, когда они еще жили в Мичигане. Когда Кэрри исполнилось шесть, его уволили из компании «Форд мотор». По ночам мать приходила к ним с сестрой в спальню, и втроем они лежали под одеялом. Отец расхаживал по дому и безостановочно бормотал, дескать, скоро произойдет чудо – он видел знамение в компьютерном коде.

Когда Кэрри была в первом классе, отец в середине декабря повез их на озеро Сент-Клер, что в Нью-Балтиморе, и всю дорогу твердил про свое чудо, мол, готовьтесь, скоро увидим его. Два дня они сидели на скамье напротив водонапорной

башни на окраине украшенного перед Рождеством города и, замерзая, смотрели на серую воду. Отец повторял: «Вот-вот, сейчас, только погодите. Скоро, скоро...»

Мать орала на него: «Что сейчас, что сейчас, Фрэнк? Иисус пройдет по воде? И ангелы с ним? Если так, то скажи, пусть даруют нам обогреватели, не то мы с девочками замерзнем тут насмерть».

– Эмма, взгляни на башню. Дело в математике, как ты не поймешь? Вселенная построена по законам математики. И компьютеры работают по этим законам. Все подчиняется им. Ты посмотри, где эта башня! Она у самой воды.

– При чем здесь математика? О чем ты?

– Я все рассчитал. От нашей парадной двери до водонапорной башни ровно тридцать семь миль. Тут и произойдет чудо. Тридцать семь миль.

– Тридцать семь миль – и что с того?

– Тридцать семь – простое число, Эмма. Оно было в компьютерном коде, а вода – это жизнь. Моисей ударом посоха заставил воду идти из камня. Христос в Ханаане превратил воду в вино. Посмотри на башню, вот сейчас... тут оно и произойдет. Как ты не видишь?

– Фрэнк, черт возьми, это просто водонапорная башня!

Наконец они поехали назад в Дирборн. Отец молча гнал с таким видом, будто хотел кого-то убить. Мать вопила: «Помедленней, Фрэнк! Угробить нас хочешь?», а старшая сестра Мэгги плакала и визжала: «Папочка, стой! Стой!»

Остановись!». На следующий день Кэрри собиралась в школу, и мать предупредила: «Об отце – никому ни слова, ясно?»

Позднее Кэрри поняла, что странности отца не прошли даром для всей семьи. Как-то родители разругались: кричали друг на друга во весь голос посреди ночи. Мэгги велела не вылезать из постели, но Кэрри прокралась из спальни на кухню и увидела, что стены измазаны остатками еды и на полу – осколки посуды.

– Три недели! – кричала мать. – Мне сказали, что ты просто так, никому не сказав, прогулял три недели! Вот тебя и уволили! А чего ты хотел? Повышения?

– Я был занят. Вот увидишь, Эмма, все будет хорошо. Они еще приползут умолять меня вернуться. Как ты не понимаешь? Все дело в чуде, просто мало кто хочет понять его. Помнишь номерные знаки автомобилей, которые мы видели по дороге, когда возвращались из Нью-Балтимора? Я видел в них код, надо лишь вычислить систему, – говорил отец.

– О чем ты? Ты хоть понимаешь, о чем толкуешь? Что ты задумал? На что нам жить?

– Бога ради, Эмма, думаешь, без меня они с серверами справятся? Поверь, меня еще попросят обратно. Со слезами попросят!

– Боже мой, господи, ну за что мне это! Как нам быть?

И вот теперь уволили саму Кэрри.

Саул Беренсон, шеф Отдела разведки по Ближнему Востоку, ждал ее у себя в кабинете на четвертом этаже. Глубоко вдохнув, Кэрри постучала в дверь.

Саул – крупный, похожий на бородатого медвежонка мужчина – работал за компьютером. Кэрри иногда называла его рабби Саул, ведь это он нанял ее тогда, холодным мартовским днем, в центре профориентации Принстона, когда Кэрри училась на последнем курсе.

В офисе как всегда царил беспорядок, ориентироваться в котором мог только Саул. На полке, рядом с фотографиями – Саул и Буш-старший (в честь которого и назвали штаб ЦРУ); Саул, директор ЦРУ Джеймс Вулси и президент Клинтон – неуклюже сидел плюшевый мишка Пух.

Оторвавшись от монитора, Саул посмотрел, как Кэрри присаживается.

– Устроилась? – спросил он, поправляя очки.

– Нашла односпальный дом в Рестоне.

– Удобно?

– Недалеко от платной дороги Даллес.

– Хочешь что-то обсудить?

– Ты видел сообщение от Джулии. Отправь меня назад в Бейрут.

– Не бывать этому, Кэрри. Ты даже не представляешь, каких людей ты взбесила.

– Саул, меня чуть шииты в плен не взяли. Или, по-твоему, лучше, если бы меня схватили, а потом опозорили на весь

мир, показав по каналу «Аль-Джазира»? Судя по тому, как вы с Дэвисом относитесь ко мне и к делу, так оно и есть.

– Не валяй дурака. Не все так просто, – ответил Саул и поскреб бороду. – Все всегда очень сложно.

– Ошибаешься, все очень даже просто. Меня подставили, и наше отделение в Бейруте пропало. Им руководит придурок, который просто хочет казнить гонца за дурную весть.

Саул снял очки, без которых его взгляд становился не таким сосредоточенным.

– Ты сама все усложняешь, Кэрри. – Саул протер очки о рубашку и снова надел их.

– Да неужели?

– Поверь. – Он кисло улыбнулся. – С самого начала от тебя одни неприятности.

– Что же ты меня нанял? В Америке полно женщин, говорящих на арабском, – заметила Кэрри и откинулась на спинку кресла. Посмотрела на медвежонка в красной рубашке с надписью «Пух». Как-то Саул признался, что Винни Пух – идеальная метафора человеческих устремлений. Он любит мед, а мед золотого цвета. Золото и деньги сводят людей с ума.

– Послушай, Кэрри, начальник отделения ЦРУ – словно капитан корабля, а это одна из последних форм диктатуры на нашей планете. Если капитан не доверяет тебе и твоим суждениям, то с этим уже ничего не поделаешь.

Кэрри выпрямилась и плотно сжала колени, будто на со-

беседовании о приеме на работу.

– Ты же босс Филдинга. Уволь его, не меня.

Хоть бы, хоть бы Саул ей поверил. Ему одному Кэрри могла доверять, и он один верил ей. Если Саул от нее отвернется, у Кэрри ничего не останется. От нее самой ничего не останется!

– Не могу, – сказал наконец Саул. – Сама посуди, я – как адмирал флота. Если я начну увольнять капитанов за их суждение, поднимется бунт. Капитаны станут бесполезны. Я должен смотреть на дело шире.

– Чушь! – вскочила Кэрри. Ну как он не понимает?! Это ведь Саул, а он на ее стороне. – Полная чушь. Дело не в морали, безопасности или еще в чем. Все дело в политике. В вашей сраной политике. – Она пристально посмотрела на Саула. – И когда ты переметнулся на их сторону? На сторону людей, которые рады продать страну ради своей жалкой карьеры?

Саул резко хватил ладонью по столу, так что Кэрри подпрыгнула от неожиданности.

– Не смей говорить со мной таким тоном! Ты меня знаешь. Если ты и с Филдингом так разговаривала... правильно он дал тебе пинка под зад. А знаешь, что самое страшное, Кэрри? Знаешь? Информация от твоей пташки Джулии настолько важна, что я пытался сообразить, как отправить тебя назад в Бейрут.

Вот тебе и на! Кэрри ощутила облегчение и благодарность

Саулу. Он все еще верит в нее. Он на ее стороне! Просто надо обойти бюрократию. Доказать Саулу, что она по-прежнему та самая Кэрри. Кэрри, которая со всеми ссорится, даже с ним.

– Ты поговоришь с директором? Будем работать?

– Я послал информацию наверх, – сказал Саул, глянув в потолок. – Больше от меня ничего не зависит. Такие угрозы поступают к нам каждый день.

– Джулия всегда давала надежную информацию, сам знаешь. Помнишь, как она сообщила о покушении на Харири? С этой инфой тоже можно работать, Саул.

– Серьезно? Ты так считаешь? Джулия не дала деталей, совсем никаких. Скоро будет теракт... вот и все. Мы не знаем: где? как? когда? Цель неизвестна. Мы даже не знаем, кто совершит теракт: «Хезболла» или кто-то другой, кто только поручил теракт «Хезболле», чтобы отвлечь наше внимание. Что нам делать с этой инфой?

– Значит, так? Отдаем информацию наверх и надеемся на лучшее? Вот как мы защищаем страну?

– Не мути воду, Кэрри. Я предупредил Эстеса и замдиректора, что информация надежная, с ней можно работать. Теперь их ход. Еще я велел Филдингу в Бейруте копать дальше.

– Филдингу... – скривилась Кэрри. Она отошла к окну и посмотрела на зеленую лужайку, на запасную парковку. – В Бейруте серьезная беда с безопасностью. Что с «Ахиллесом»?

– Филдинг говорит, будто ты привела врага на конспиративку. – Пощелкав мышкой, Саул отыскал нужный файл на компьютере и прочел вслух: «Мэтисон проявила потрясающий дилетантизм в работе, поддалась панике в нештатной ситуации, доверилась непроверенному контакту, местной жительнице, которая – если верить вышеупомянутому оперативному работнику – по доброте душевной безвозмездно предоставила личный транспорт незнакомке. Затем, оставив машину в людном месте, Мэтисон не потрудилась избавиться от предполагаемой слежки и привела врага прямиком на конспиративную квартиру на улице Адонис. В результате конспиративная квартира была уничтожена, рабочие материалы захвачены, а все наши операции поставлены под угрозу».

Саул взглянул на Кэрри поверх очков.

– Что прикажешь с этим делать?

Нет, Саул в такой бред не поверит. Только не он.

– Передай Филдингу: пусть подотрется своим отчетом, – резко ответила Кэрри. – Я сбросила «хвост» еще в районе Хамра и пешком добралась до квартала Рас-Бейрут. Ни в здании, ни поблизости никого не было, зато потом – откуда ни возьмись – появились местные шпионы и напали на конспиративку, будто заранее знали о ней. Меня подставили.

– Кто? – Саул вскинул руку. – Давай-ка по порядку.

– Соловей – это раз, – сказала Кэрри и оперлась на стол обеими руками, словно бегун перед стартом. – Дима – два.

Отправь меня назад, Саул, я их обоих к ногтю прижму. Найду утечку.

Он покачал головой.

– Это невозможно. Даже если принять, что ты на сто процентов права, а Филдинг – нет, я не могу.

– Почему? Что между вами не так?

Что-то Саул недоговаривал.

– У него связи, ясно? – с отвращением произнес Саул. – Филдинг и Дэвид Эстес, директор Контртеррористического центра, протеже Билла Уолдена.

– Директора ЦРУ?

– Самого старика. Без связей шагу не ступишь, а Уолден метит в политики. Пересекаться с ним – дело гиблое. Ты... ты просто оперативница, попавшая в спорную ситуацию. Люди наверху долго над ней думать не станут. Я уж не говорю о том, что нас сто раз реорганизовывали. Теперь я напрямую отчитываюсь перед Эстесом. Все непросто.

– Что же нам делать?

Саул кивнул.

– Филдинг сделал тебя козлом отпущения, и на какое-то время лучше все оставить как есть. Будешь возникать – и я тебе не смогу помочь. Пока все, – поднял он руки.

– То есть мне лучше быть девочкой-паинькой? Закрывать рот, нагнуться и ждать, что со мной сделают?

– Ждать момента и дать ответный бой. – Саул снова кивнул. – В общем, в одном я с тобой согласен: дело с Соло-

вьем действительно грязное. Филдинг, самое меньшее, должен был предоставить тебе прикрытие. Зато у меня ты без работы сидеть не станешь.

Саул поднялся, вышел из-за стола к Кэрри и оперся о столешницу. Он верил ей, он все еще был на ее стороне. Кэрри вздохнула с облегчением.

– Ну и? – спросила она.

– Помнишь, что я сказал, когда выдернул тебя пораньше с занятий на Ферме? Моя прекрасная золотая девочка с мозгами, как у Стивена Хокинга. – Он улыбнулся. – Помнишь мои слова?

– О том, как мне затвердить науку в поле... и что-то там о пруде?

– В этом пруду тебе тесно. Тебе надо плавать в океане.

– Плавать среди акул можно, только став акулой. Да, помню. Что же мне делать?

– Достань Соловья и выясни все про теракт. Достань его, работая здесь.

– Не понимаю.

– Назначаю тебя связной между Отделом разведки по Ближнему Востоку и Контртеррористическим центром. Они неофициально поглощают отделение «Алек». – На жаргоне ЦРУ так называлось единственное отделение, приписанное не к местности, а к цели: «Аль-Каиде». – Отчитываться будешь перед Эстесом, – Саул наклонился к ней, так что Кэрри уловила запах его лосьона после бритья «Поло», – а работать

на меня.

– Шпионим за своими же?

– Все не без греха. А что еще остается?

– Что с инфой Джулии? Готовится теракт, Саул. Большой.

Мы оба это знаем.

Саул тяжело вздохнул.

– Сколько у нас времени? – спросил он.

– Где-то пару недель. Муж Джулии сказал: скоро. Точнее:

«*khaliban zhada*» – очень скоро.

Глава 4

Джорджтаун, Вашингтон

Воспоминания навеяло песней «Ты все еще единственный» Шанайи Твейн.

Кэрри училась на первом курсе в Принстоне. На большие экраны вышли «Спасти рядового Райана» и «Влюбленный Шекспир», а у Кэрри случился первый серьезный сексуальный опыт – не просто рукоблудие, когда дома никого нет или когда у тебя в старших классах по ляжкам течет. Она, можно сказать, влюбилась в Джона: высокого и невероятно умного преподавателя политологии; он познакомил Кэрри с текилой, оральным сексом и джазом.

– В мое детство народ увлекался Мадонной, Мэрайей, Лютером Вандроссом. Ближе всех к джазу был мой отец, который время от времени слушал Дэйва Брубeka.

– Да ты шутишь! Джаз не слушаешь? Майлз Дэвис, Чарли «Берд» Паркер, Диззи Гиллеспи, Колтрейн, Луи Армстронг... Нет? Это самое великое направление в музыке, круче не будет. Единственное, что мы, американцы, подарили оригинальному миру, – и ты этого не знаешь? Ну, я, можно сказать, тебе завидую.

– Почему?

– Перед тобой целый неизведанный континент, а это в

жизни – самое интересное.

– Даже интереснее секса?

– В том-то и соль, лапа. Обе эти вещи можно совмещать.

Тысяча девятьсот девяносто восьмой. В тот год Кэрри последний раз пробегла полтора километра. Сколько воды утекло...

Кэрри сидела в пабе на М-стрит в Джорджтауне, допивая третью «Маргариту», когда по телевизору начался клип Шанайи.

– Узнаешь? Девяносто восьмой год. Я тогда в колледже училась, – сказала она Дэйву, мужчине, что сидел рядом, с бокалом «Хайнекена». Это был кудрявый малый лет за сорок, юрист из Министерства юстиции, в костюме из магазина; то и дело он нарочно побрякивал «ролексом» и «как бы нечаянно» касался предплечья Кэрри. На безымянном пальце у него бледнел след от обручального кольца. Значит, Дэйв либо разведен, либо выбрался погулять.

– Я тогда практику проходил и слушал Пафф Дэдди. «Мир исколесил-объездил, ага, ага», – напел он, неуклюже (как инвалид с претензиями на сексуальность) подергивая плечами. С виду он, впрочем, был не страшный. Кэрри еще не решила, позволить затащить себя в постель или нет.

Она заставляла себя не думать о работе. Расследование зашло в тупик. Ответов не было, зато вопросы множились и

становились все трудней.

Три дня кряду Кэрри проработала за компьютером, без перерыва. Спала за столом и питалась печеньем из автомата. Перелопатила все, что имелось у Контртеррористического центра на контакты между сирийскими спецслужбами и «Хезболлой» в Ливане: факты встреч, результаты наблюдений, записи телефонных звонков и копии переписки. Кэрри копалась в голых данных, с которыми ежедневно приходится иметь дело разведке. Саул однажды сравнил такую работу с поиском алмазов в грязи: «Роешься в тоннах мусора, прежде чем у тебя руках хоть что-то да заблестит. Что-то, что окажется полезным».

Забавно, самые лучшие данные были собраны ею самой – добыты от Джулии.

Кроме Димы, с Соловьем – Тахой ад-Доуни – Кэрри больше ничего не связывало. Он был выпускником университета Дамаска, где получил специальность инженера-механика. Впервые он попал в поле зрения ЦРУ в Москве: попытался наладить дела с «Рособоронэкспортом». Кэрри присмотрелась к снимку, сделанному наблюдателем на широкой заснеженной улице где-то в российской столице: много машин, должно быть, Тверская. На фото Соловей был моложе, стройнее, одет в пальто и большую меховую ушанку, но Кэрри все равно узнала его. Это он поманил ее, сидя за столиком у кафе, напротив кинотеатра.

И никаких сведений о том, где он живет, о жене и детях,

о службе.

Ну же, Соловей, откройся. Где ты работаешь?

В каком звании? Где твое звено в цепочке между спецслужбами и «Хезболлой»? Кто тебе дорог? В кого тычешь членом?

Кроме фото из Москвы, Кэрри так ничего и не нашла.

Как не нарыла ничего о готовящемся теракте. Джулия дала простую наводку, которая сама по себе ни о чем не говорит. Считаю, не сообщила ничего. Неудивительно, что на запросы никто не откликнулся.

Зато в конце третьего дня, очень поздно, Кэрри кое на что наткнулась. Фотография с израильского спутника-шпиона (Национальная секретная служба выловила ее из потока загружаемых данных). На снимке Соловей сидел за столиком в кальянной. На выложенной плиткой стене Кэрри заметила часть надписи на арабском. Увеличила изображение и загрузила его в «Фотошоп», чтобы сделать надпись разборчивой. Скорее всего снимок сделали в Аммане или Каире.

Однако куда интереснее было то, кто сидел напротив Соловья. Ей даже не требовалось пояснений от израильских коллег. Это был тот, кого в бейрутском отделении – включая саму Кэрри – давно желали отыскать, но не могли выследить. Ахмед Хайдар, член «Аль-Меджлис аль-Меркази» – Центрального собрания «Хезболлы».

Выходит, Соловей – ад-Доуни – человек реальный. Дима не сливала Кэрри дезу, и связь между сирийскими спецслуж-

бами и «Хезболлой» есть. Вот бы вернуться в Бейрут и поговорить с Джулией. Вдруг ее муж Аббас встречался с ад-Доуни? Вдруг сама она знает о нем что-нибудь? Или, может, он замешан в убийстве Харири?

Без ответа оставался еще один вопрос: где сама Дима? Связь между Соловьем и Ахмедом Хайдаром только все усугубляла. Безумие какое-то. Из Бейрута Саулу тем временем пришло загадочное сообщение от Филдинга, который отмазался: мол, провел расследование, но после той ночи Диму никто не видел; никаких намеков на теракт. И не сказал, будет ли расследовать исчезновение информатора дальше. Козел.

Кэрри принялась стремительно перебирать все сообщения из Дамаска относительно сирийской разведки. Проверять все упоминания. Саул прав, большая часть данных – мусор.

Потом она нашла кое-что интересное. В 1990-е старший оперативник ЦРУ Дар Адал руководил «кротом» – Набилем Абдул-Амиром (позывной «Ананас»), предположительно, разведчиком средней руки. Адал, похоже, убедился в честных намерениях «крота». Ананас был алидом, членом партии «Баас» и связан с кланом Асадов. Более сорока лет Асады – отец, Хафез аль-Асад, и сын, Башар, члены небольшой алидо-шиитской мусульманской секты, – и панарабская националистская партия «Баас» железной рукой правили Сирией. С такой «родословной» Ананас идеально подхо-

дил на роль «крота».

Адал скормил Ананасу ценные сведения относительно того, какую позицию Израиль займет в переговорах по поводу Голанских высот. Инфу якобы предоставил израильский «крот», с которым Адал тайно встречался на Кипре, на самом деле оказавшийся евреем из Нью-Йорка, знавшим иврит. И все ради того, чтобы добиться повышения Ананаса в родной конторе. Когда же Ананас попытался самостоятельно расширить свою сеть израильских связных и даже собрался рассказать об операции ЦРУ агентам «Шабак»⁸, Адал, очевидно (отредактированная запись в этом месте звучала неясно), скормил его «Моссаду». Ананаса убили вместе с любовницей и ее ребенком. Три тела обнаружили в лодке на приколе у стапеля в порту Лимасол на Кипре.

Кэрри выпрямилась и уставилась в пустоту. Кто редактировал эту запись? Как и зачем? Это же старая инфа. Что происходит?

Если уж на то пошло, то почему так мало сведений о сирийской разведке? В Дамаске отделение так себе, но Филдинг в Бейруте давно, как минимум с начала 1990-х. И тем не менее все знают, что сирийская разведка связана с «Хезболлой» в Ливане. Прошлогоднее покушение на Рафика Харири и фото Соловья в кафе с Ахмедом Хайдаром тому доказательство. Какого дьявола творится в бейрутском отделении?

⁸ Израильская общая служба безопасности.

Сплошные вопросы и нестыковки.

Было поздно, девятый час. Эстес, крупный афроамериканец, директор Контртеррористического центра, вышел из кабинета и направился к лифту. По пути он заметил свет в кабинке у Кэрри и решил заглянуть «на огонек».

– Над чем трудишься? – спросил он.

– Сирийская разведка. После девяностых информации о ней маловато.

– Я думал, ты разрабатываешь «Аль-Каиду» в Ираке. – Эстес нахмурился. Предполагалось, что после возвращения в Лэнгли Кэрри станет вести «Аль-Каиду» на Аравийском полуострове, то есть в Йемене. – Они как-то связаны?

– Не уверена, – ответила Кэрри, чувствуя, как колотится сердце. Спалилась. – Есть смутные намеки...

– С трудом верится. Сирийские алиды и «Аль-Каида»? Они ведь по разные стороны баррикад в борьбе шиитов и суннитов. Ты же вроде оставила бейрутское дело, Кэрри?

Боже, ну и ум у него! Острый как бритва. Сунниты и шииты вот уже несколько веков не могут примириться по поводу того, кто из них истинные последователи пророка Мухаммеда. Шииты верили, что только Али, четвертый халиф, и его наследники могут считаться преемниками пророка. Сирийские алиды – ветвь шиитского направления в исламе, которые уж никак не могут объединиться с «Аль-Каидой», суннитами-экстремистами салафитского толка. Эстес – студент Стэнфорда, с гарвардским дипломом руководителя –

моментально раскусил тему. И как Кэрри сама этого не учла? Она расслабилась. Вернувшись из Бейрута, толком не пила лекарство. Прошел день, как она последний раз принимала клозапин. Нервы начинали сдавать.

Соберись, велела себе Кэрри.

– Их пути иногда пересекаются. Если интересы сходятся.

Подумав немного, Эстес признал:

– Бывает и такое, да.

– Что там с предполагаемым терактом? Ничего не слышно?

– Нет ничего, что подтверждало бы слова твоей пташки, Кэрри. Нужно больше вводных.

Кэрри чуть не лягнула, мол, пошли меня назад в Бейрут, но вовремя сдержалась.

– Работаю над этим.

– Я в курсе. Дай знать, если что-то найдешь, – сказал Эстес и направился к лифту.

Кэрри посмотрела ему вслед. Ей нравилось, какой он большой, нравился цвет его кожи, и то, как изящно – несмотря на свои габариты – он двигается. Интересно, каково было бы заняться с ним сексом? Он бы действовал медленно, с силой, уверенно. Кэрри сдвинула бедра. Что это с ней? С ума она, что ли, сходит? Мастурбация больше не помогает. Похоже, пора найти реального трахалю. На один раз – перепахнуться и разбежаться, без заморочек.

Так, надо забыть Ананаса, забыть Соловья и Диму хоть на

секунду. Отстраниться от проблемы, и пусть с ней работает подсознание. Кэрри явно что-то упускала из виду. Соловей связан с Ахмедом Хайдаром и Центральным собранием «Хезболлы», и вот он вдруг решается похитить оперативницу ЦРУ. Какая тут связь?

Зачем ему это? Кому понадобилась Кэрри? Сирийцам? «Хезболле»? Еще кому-нибудь? И почему после нападения на «Ахиллес» бейрутское отделение не ввело внутренний чрезвычайный режим? А еще кто-то подправил файлы дамасского отделения. Как это связано с готовящимся терактом?

Слишком много кусочков головоломки не доставало. Кэрри выключила компьютер и погасила свет.

Дома, в Рестоне, она переделалась.

Как быть с лекарством? Кэрри так не хватало бейрутской аптеки. Туда можно было запросто войти и показать рецепт, выписанный знакомым ливанским врачом, который выписал бы Кэрри все, что угодно, – лишь бы та платила и дальше наличкой, в долларах или евро. Ей выдали бы совершенно любое лекарство без лишних вопросов. Джулия сказала как-то: «Есть правила, а есть нужда. Аллах – Всепонимающий. Всегда найдется способ получить необходимое».

Придется навестить сестру. Главное, не задумываться о разговоре, который заведет Мэгги, врач-терапевт, практикующий в Вест-Энде. У нее дом в Семинари-Хилл, что в Александрии, в штате Виргиния. К обычному врачу Кэрри за ре-

цептом не пойдет. Стоит в ее анамнезе появиться записи о биполярном расстройстве, и если это всплывет – с работой можно прощаться. До свидания, карьера в ЦРУ! Кэрри нужно достать лекарство без рецепта, без записи в деле. Она позвонит Мэгги и наведается к ней завтра, а сегодня пойдет отрываться.

Кэрри надела красный шелковый топ, приоткрывающий ложбинку между грудей, короткую черную юбку и жакет, в котором она всегда чувствовала себя сексапильной. И как раз когда она красилась, а Колтрейн и Майлз Дэвис на CD исполняли «В полночь», величайший трек о нью-йоркской ночи, сексе и одиночестве, тоске и прочем – у нее начался заскок.

Кэрри смотрелась в зеркало и думала: хорошо накрасилась и подвела ресницы, да и вообще, я само совершенство. Природа потрудилась и сделала ее как никогда привлекательной, ведь для природы главное – продление рода. Глядя на себя, Кэрри поняла: она прекрасна и при желании получит любого мужчину, сотню мужчин, тысячу... Она завелась при мысли о том, какие мужики бессильные и что ими можно крутить. Надо лишь подпустить их к себе, и они станут послушные, точно овцы. Слава природе!

Господи, что за музыка! Дэвис и Колтрейн! Лучше просто не бывает.

По телу разливалось тепло и ощущение счастья, неуязвимости. Кэрри разгадает бейрутскую тайну, выяснит, что с

Димой, и найдет Соловья. Предотвратит теракт, утрет Филдингу нос. Саул будет гордиться ею.

Кожу покалывало от возбуждения.

Музыка будто проникла в тело, сбежала волной вниз по позвоночнику.

Кэрри выпорхнула из дома, села в машину и понеслась через парковую зону к 267-й местной дороге, затем по Ки-Бридж в Джорджтаун. Поставила диск Лестера Янга – зазвучала песня «Она такая забавная», и Кэрри почувствовала себя еще лучше, сексуальнее, неотразимее, чем когда-либо прежде.

И вот она сидит за барной стойкой рядом с юристом Дэйвом, нарочито выпятив грудь – маленькую, но, Бог свидетель, такую соблазнительную. Парни велись на нее, идиоты, не догадываясь, что если сразу правильно, плавно, уверенно и не спеша поласкать женщине грудь, то она – вся твоя, без остатка.

– Так чем ты занимаешься? – спросил Дэйв.

– А тебе какая, нахрен, разница? – ответила Кэрри. – Давай начистоту. Ты хочешь только секса, верно? Поправь меня, если я ошибаюсь, но, десять к одному, ты женат. Сняв кольцо, девушку не обманешь. Ну, разве только совсем дурочку, да и та со временем сообразит, что к чему. Верно, юрист Дэйв? Давай к делу: хочешь увести меня отсюда и затрахать вусмерть? Или нет?

Ошеломленный, Дэйв настороженно уставился на нее.

– У тебя тоже обручалка, – произнес он наконец.

– Черт, спалилась. Но ты смотри, не влюбляйся.

К черту симпатии и увлечение! Будущего у нас с тобой нет. Мы вместе только на вечер, о романтике можешь не вспоминать. Не хочешь – как хочешь, мое дело предложить. Если отказываешься, если вдруг вспомнил о своей женушке и детишках, которые ждут тебя дома, тогда вали с этого места! Освободи его для другого. Для того, кто хотя бы не врет себе и точно знает, что ему от этого сраного мира нужно.

– А ты не простая.

– Даже не представляешь насколько.

Отставив бокал, Дэйв поднялся с табурета.

– Пошли, – сказал он.

– Куда?

– К тебе.

– Не-а, свой дом я тебе не покажу. – Кэрри покачала головой и допила коктейль. – И вот еще что, бычок. Ты этак невзначай хвастаешься «ролексом», а сам не можешь позволить себе номер в отеле и презервативы?

Дэйв надел пальто и протянул ей жакет. Вдвоем они вышли в ясную, холодную и ветреную ночь. Двухэтажное здание на М-стрит тянулось насколько хватает глаз. Дэйв приобнял Кэрри и повел к своей машине – «линкольну». Хреновый же ты адвокат, подумала Кэрри, забираясь в салон.

– Куда хочешь? – спросил Дэйв.

– «Ритц-Карлтон», тут недалеко. – По радио играл хип-

хоп, значит, хозяин пытался казаться крутым. – Включи джаз. FM-89,3, Вашингтон, округ Колумбия.

Дэйв нашел нужную волну, и из динамиков зазвучали Брубек и Пол Дезмонд.

– Два Дэйва, – вслух заметила Кэрри. – Ты и Брубек.

Он поморщился. О бабках печется. Думает, как объяснит трату по кредитке начальству или жене.

– Может, в «Лафам»? – предложил Дэйв. – Это вниз по М-стрит.

– Номер в «Лафам»? Отлично. Им надо слоган взять: «Приходите к нам – мы никому не скажем». – Кэрри резко нагнулась и поцеловала его в пах. Дэйв чуть не свернул на встречу. – Аккуратней, ковбой. Только аварии нам не хватало.

Кэрридохнула ему на ширинку, губами ощутила стояк под тканью брюк и глянула вверх.

Огни неоновых вывесок баров и закрытых на ночь магазинов, фонарей и светофоров складывались в узоры на лобовом стекле, будто в такт джазовой музыке. Повторяющиеся узоры напоминали об исламской мозаике и казались совершенно бессмысленными. Это неспроста. Кэрри упустила из виду нечто важное... «О нет!» – стрельнуло у нее в мозгу, пока она растирала Дэйву промежность. Она теряла себя.

Биполярное расстройство. Кэрри получила его, будто приз в генетической лотерее, в наследство от отца. Из-за болезни Фрэнка и уволили с работы, а после из-за нее семья

Кэрри перебралась из Мичигана в Мэриленд.

Только не заскок! Только не сейчас, нет!

– Полегче, – попросил Дэйв.

Кэрри выпрямилась и дала ему позвонить по сотовому в отель, забронировать номер. Вскоре они уже вошли через сводчатый проход в вестибюль гостиницы. Задержались у стойки регистрации, проследовали к лифту, буквально ввалились в комнату, срывая друг с друга одежду. Целуясь и сплетаясь языками, они повалились на кровать.

Дэйв потянулся к штанам на полу – за кондомом, натянул его и выключил свет. Кэрри уставилась на рисунок обоев: он напомнил решетку; силуэт Дэйва – темный провал. Так, нет, надо собраться, взять себя в руки. Провал и решетка, пустая ячейка, в которой не хватает Димы. Они все связаны: Дима, Соловей, Ахмед Хайдар из «Хезболлы» – в этой пустой ячейке. Решетка начерчена не тем цветом: обои серые, а должны быть синие. Просто обязаны. Ни о чем другом Кэрри сейчас не могла думать. Ячейки в синей решетке, просто цвета другие...

– Какая прелесть, – произнес Дэйв, носом уткнувшись ей в грудь и сунув руку между ног, поглаживая там и суя внутрь пальцы. Кэрри ощутила его дыхание: запах пива и чего-то дурного, чего-то из ячейки в решетке. Кэрри дернулась в сторону, чуть не сблевав. Дэйв потерялся о ее бедро членом и, придерживая свое достоинство рукой, вошел в нее. Кэрри ахнула и посмотрела на стену. Решетка на стене двигалась...

она была не того цвета.

– Стой! Стой! – закричала Кэрри, отталкивая Дэйва.

Он лишь усилил напор, задвигался интенсивней.

– Хватит! Слезь с меня! Слезь или пожалеешь, сукин ты сын!

Дэйв остановился, вышел из нее.

– Какого хрена? – резко спросил он. – Дразнишься?

– Извини, я не могу. Хочу, но не могу. Не могу, не могу, не могу, не могу, не могу! Все из-за... как ты не видишь? Дело не в сексе. Мне нужен секс, я хочу тебя, просто я не могу. Не знаю почему. Это из-за лекарства, я приняла что-то не то. Все из-за решетки, в ней есть ячейка, она не того цвета. Не могу видеть ее.

– Перевернись, – подтолкнул он ее в бедра. – Ляг на живот, смотреть ни на что не придется.

– Да не могу я, черт подери! Как не поймешь? Смотри не смотри, я все равно ее вижу! Не буду я трахаться, уходи. Я чокнутая, понял? Ты склеил в баре чокнутую блондинку. Шизанутую шлюху. Да, я такая, прости, Дэйв... или как там тебя? Прости. У меня с головой непорядок. Я хотела тебя, честно, но теперь все. Не могу. – Рисунок на стене двигался повторяющимися геометрическими узорами, как на внутренних стенах мечети. – Не могу. Только не так.

Дэйв встал с постели и принялся одеваться.

– Ты больная на всю башку. Повезло же встретить тебя, сука безмозглая.

– Пошел ты! – крикнула она ему в ответ. – Иди к своей жене, скажешь, что задержался на работе. Врун! А еще лучше трахни ее и представь, что трахаешь меня. Тогда поймешь нас обоих!

Он залепил ей пощечину.

– Заткнись. Нас арестуют, ты этого хочешь? Все, я пошел. Держи вот. – Он бросил ей двадцатку. – Вызови такси, – сказал он, натягивая пальто, и проверил карманы – не забыл ли чего в номере.

– Сука больная, – пробормотал Дэйв, выходя из номера. Стоило двери закрыться, и Кэрри, будто пьяная, шатаясь, прошла в ванную, и там ее вырвало.

Глава 5

Александрия, штат Виргиния

– Когда это началось? – спросила Мэгги.

Они сидели в ее внедорожнике возле станции метро «Ван-Дорн», недалеко от торгового центра «Лэндмарк». Место встречи выбрали специально, чтобы ни дома у Мэгги, ни у нее на работе их вместе не видели. И потом, кроме Мэгги, больше никто в семье не знал, что Кэрри – сотрудница ЦРУ.

– Вчера вечером, – ответила Кэрри. – Первые признаки появились раньше, но накрыло вчера. Видимо, алкоголь подстегнул приступ, – добавила она.

– Что же ты раньше не позвонила?

– Работа. Очень важное дело.

– Ты все трудишься? Без перерыва, без сна? Толком не питаешься, лишь едой из китайского ресторанчика или печеньем?

– Да мне в туалет выйти некогда. Копаюсь в данных... не хотела прерываться.

– Брось, Кэрри. Ты отлично знаешь, какие симптомы предвещают приступ. Ты моя сестренка, я тебя люблю, – сказала Мэгги, поправляя Кэрри упавшую на лоб прядку волос. – Хочу и могу тебя вылечить. Ты еще можешь позволить себе жить по-человечески. Поверь мне.

– Мэг, это мы уже проходили. Стоит мне согласиться на

лечение – у тебя или настоящего мозгоправа – и об этом появится запись, как я потеряю допуск к государственным тайнам. И прости-прощай, работа! И потом, не ты ли талдычишь, будто у меня нет личной жизни? Не станет работы, и я останусь вовсе ни с чем.

Мэгги взглянула на Кэрри, щурясь на солнце. Стояла необычайно теплая для марта погода. Люди возвращались к машинам, расстегнув куртки или вовсе их сняв.

– Подыщи себе другое занятие. Мы волнуемся о тебе: я, папа, мои девочки.

– Не начинай. И не надо приплетать отца: уж кого-кого, а его нормальным точно не назовешь.

– Как тебе литий?

– Ненавижу! Тупею от него, как чурбан. Будто смотрю на мир сквозь толстенное и пыльное стекло. Понимаешь, нет? Ай-кью опускается до уровня пятидесяти баллов. Я словно зомби. Терпеть не могу это состояние.

– Зато хотя бы ведешь себя адекватно. Не то что прошлой ночью. Господи, Кэрри, нельзя так жить дальше.

– Все было замечательно в... ну, на прежнем месте работы. Там любые колеса можно достать. Клозапин для меня – самое то. Я мыслю и работаю как нормальный человек. Ты не поверишь. Я ведь профессионал. Просто выбей мне побольше клозапина, и я стану доброй тетей Кэрри, все будут довольны. Твои девчонки особенно. – У Мэгги были две маленькие дочери, Джози семи и Руби пяти лет.

– Занимаешься самолечением, принимаешь таблетки без рецепта... да ты еще дурней, чем думаешь.

Кэрри накрыла ладонью руку сестры.

– Знаю, ты права. Можешь не одобрять моих действий, главное, поверь: это важно. Моя работа – обеспечивать тебе и твоим детям спокойный сон. Так что помоги, или мне крышка. Больше мне не к кому пойти.

– Я сильно рискую, Кэрри. Могу лишиться лицензии. Да, я выписываю таблетки отцу, но он – другое дело. Он лечится: официально, под моим присмотром. Кстати, уже два года, как у него все хорошо и стабильно. Навести отца, он порадуетя. Ты даже не вспомнишь, что у него были проблемы.

– Скажи это маме.

Сестры замолчали. Кэрри коснулась больной темы, незаживающей раны, семейной черной дыры. Их мать Эмма однажды взяла и пропала.

Как-то ночью, лежа с Кэрри в постели, Джон – ее учитель и любовник – спросил:

– Если с отцом познакомиться нельзя, то, может, познакомишь меня с матерью?

– Я даже не знаю, где она.

– То есть как это? Она умерла?

– Понятия не имею.

– Что-то я недопонял.

– Ну, больше я тебе ничего сказать не могу.

– Тогда объясни хотя бы то, что уже сказала, и большие мы к этому возвращаться не будем.

– Мать бросила нас. Ушла, и все. Сказала, что идет в аптеку, скоро вернется... большие мы ее не видели.

– Искать пробовали? В полицию обращались? Она сама не звонила, не писала?

– Да. Да. И – нет.

– Ничего себе! Теперь понятно, почему ты не рассказываешь о своей семье.

– В тот же день я отправилась учиться в Принстон. Мама исчезла, я уехала из дому. Взяла с собой чемодан и счастливые воспоминания из детства. Понимаешь? Мама была свободна. Я была младшенькой, но могла сама о себе позаботиться. Теперь-то ты получил представление о том, как у меня все хреново? Я симпатичная студентка-блондиночка, к которой тебя тянет, Джон. Однако, если честно, нужна ли я тебе?

– Хотя бы сдай анализы, – попросила Мэгги. – У клозапина есть побочные эффекты: гипогликемия, алейкия. Ты понимаешь? Сниженное количество белых кровяных телец – это очень серьезно. Проверься.

– Послушай, – сказала Кэрри, вцепившись сестре в руку. – Как ты не поймешь: мне нельзя! Просто дай мне эти чертовы колеса, и все. Я должна вернуться к работе. Срочно!

– Вот тебе на три недели. – Мэгги протянула ей пакетик. –

Поможет стабилизироваться и держаться в норме. Все, Кэрри, я серьезно. Не могу я вечно тебя выручать. Если что – нам обеим конец. Тебе правда надо лечиться. Психиатр с лицензией выпишет таблеток столько, что на пешее путешествие до Луны хватит.

– Тс-ссс! – зашипела вдруг Кэрри, настраивая радио. – Тихо.

«...сообщает, что пять американских военнослужащих из Пятисотого и Второго пехотных полков, несших вахту на блокпосту в пригороде Аббасии, что к югу от Багдада, в так называемом Иракском треугольнике смерти, вломилась в дом местной семьи. Иракские власти предъявляют военным обвинения: якобы они изнасиловали четырнадцатилетнюю девочку, убили ее вместе со всей семьей, а тела сожгли. Обвиняемые утверждают, будто нападение совершили боевики-сунниты. Военное руководство США и спикер коалиционного правительства заявили: инцидент в данное время расследуется. Пресс-секретарь генерала Кейси, командир Многонациональных сил Ирака, утверждает, цитирую: “Мы найдем виновных в этом отвратительном злодеянии”».

Кэрри выключила радио.

– Черт, только этого не хватало. Мне надо идти. Спасибо, Мэгги, – произнесла она, указав на таблетки. – Спасибо, что забрала вчера. Я, как смогу, приеду, повидею девочек. Обещаю.

– Этот случай в Ираке связан с твоей работой? – спросила

сестра.

– Мы... – Кэрри посмотрела на Мэгги, – ...всяким занимаемся. Простым смертным не понять, – добавила она, выбираясь из машины.

– Как насчет отца? – спросила Мэгги. Кэрри обернулась, щурясь на солнце. – Надо тебе с ним поговорить.

– Старая добрая Мэг, ты никогда не сдаешься.

С папой поговорю. Как-нибудь.

* * *

Она вернулась в Лэнгли, успев на общую планерку. Дэвид Эстес устроил собрание и предупредил: из-за инцидента в Аббасии террористическая активность, направленная против американцев, может резко пойти вверх как в Ираке, так и за его пределами.

– ...Стоило расслабиться и подумать, будто уже ничто не испортит нам репутацию среди арабов, как появились эти свиньи и устроили «Аль-Каиде» такую промоакцию, какой нам с одиннадцатого сентября не снилось! – злобно вещал Эстес. – Теперь наши объекты на Ближнем Востоке и в Европе под угрозой. Напомню: из проверенного источника поступило не подтвержденное пока предупреждение о готовящемся в нашей стране теракте, – добавил он, не глядя на Кэрри. – Любую инфу с Ближнего Востока или из Азии проверять следует особенно тщательно. Тща-тель-но! О любых –

даже сомнительных – угрозах докладывать непосредственно мне. В багдадское отделение направим дополнительные ресурсы. Саул, это на тебе, – сказал Эстес Саулу, и тот кивнул. – Последствия будут те еще, пресса своего не упустит. Среди наших – военных и гражданских – в «Зеленой зоне» и за ее пределами могут быть жертвы. Много жертв. Я предупредил об этом директора, однако нужен более детальный прогноз. Комитет начальников штабов и Белый дом должны иметь полное представление, чего ждать. Еще: нужен подробный анализ вражеской активности в «Суннитском треугольнике» – из Разведывательного директората и лично от тебя, Саул. К пяти вечера результаты должны лежать у меня на столе. Если кто-то хоть пукнет где-нибудь между Багдадом и Эль-Хилялем, я должен сразу же об этом узнать. Те из вас, кого не посылают в Багдад, принимаете дела у откомандированных. Все за работу! Время против нас, – закончил Эстес, распуская сотрудников.

Позднее Кэрри подкараулила Саула в коридоре у лифта.

– Только не сейчас, Кэрри, у меня встреча на седьмом этаже, – взмолился Саул, имея в виду, что встреча у него с высшим начальством ЦРУ.

– Соловей встречался с Ахмедом Хайдаром. Филдинг должен был знать об этом, но он и словом не обмолвился.

Саул, моргая, уставился на нее, будто филин – на дневной свет.

– Откуда ты знаешь?

– Есть фото с израильского спутника: Соловей и Хайдар сидят в кафе. Где именно, я не поняла. Скорей всего в Каире или Аммане.

– И о чем это говорит?

– О сношениях сирийских спецслужб и «Хезболлы». Может, даже об убийстве Рафика Харири. Вдруг что-то и правда готовится, как предупреждала Джулия, а кровавый эпизод в Аббасии – для отвода глаз? Сам как думаешь, Саул? Что, по-твоему, происходит?

– Не знаю. Думай, я для этого тебя и нанял. Что-нибудь нужно?

– Ресурсы Форт-Мида. С кем я могу связаться? – В Форт-Миде, что на военной базе в Мэриленде, базировался штаб Агентства нацбезопасности.

– Исключено. Есть строгие процедуры, которые не предусматривают твоих хотелок. Ты и так ходишь по тонкому льду. – Саул взглянул на часы. – Мне еще разбираться с последним провалом. Дождались, – пробормотал он, тыкая в кнопку вызова лифта. – Пачками посылают юнцов туда, где на каждом углу самодельные мины, безголовые трупы и женщины, на которых даже смотреть-то нельзя... Половина этих сопляков служит в Национальной гвардии, к войне не приспособлена, и у многих посттравматический стресс... А они чего ждали?! Господи боже! – Саул вошел в лифт. – Забудь о Форт-Миде. Я серьезно, – добавил он.

Двери лифта закрылись.

Брехня. Без АНБ Кэрри не обойтись, и она найдет контакт в Форт-Миде.

Глава 6

Форт-Мид, штат Мэриленд

Следуя вверх по шоссе I-295 в Мэриленд, Кэрри подумала, не свернуть ли на 495-ю трассу, вместо того чтобы пилить дальше на юг? Можно будет остановиться в Кенсингтоне, где Кэрри росла после того, как они всей семьей покинули Мичиган и отец получил работу в Бетесде.

Средняя школа Святой Троицы, католическая школа для девочек. Монахини, хоккей на траве, короткие плиссированные юбочки. «Вселенский центр мастурбации» – так звала это место Мэгги. Еще до того, как у Кэрри на втором курсе случился первый приступ биполярного расстройства, она достигла всех мыслимых и немыслимых успехов: президент класса, второе место на соревнованиях штата в забеге на 1500 метров, речь на выпускном и прямая дорога в Лигу плюща, Принстон, стипендия... И мать, что увядала не по дням, а по часам.

– Соревнования штата, мам. Приходи!

– Попроси отца, Кэрри. Он точно пойдет.

– Сама знаешь, что нельзя. Там будут скауты из колледжа, отец все испортит. Он всегда все портит.

– Иди, Кэрри, все будет хорошо.

– Да что такое, мам? Боисься, что я приду первой?

– С чего ты взяла? Я хочу, чтобы ты победила. Не в этом дело...

– А в чем? Что я сама чего-то достигну? Ты этого боишься? Боишься, что кто-то из нас – но не ты – сбежит из этого дурдома?

– Какая же ты глупая, Кэрри. В этой игре нет победителей.

Эх, мама, мама... Просто чудо, что Кэрри не сошла с ума окончательно.

Она свернула с шоссе и остановилась у шлагбаума, за которым виднелось крупное здание из черного стекла – штаб АНБ, или попросту Черный дом.

Полчаса у нее проверяли удостоверение, затем выдали гостевой пропуск и проводили в переговорную с длинным столом красного дерева. Спустя какое-то время в комнату вошел мужчина в рубашке с короткими рукавами и галстук-бабочке. Будто из пятидесятых сбежал.

– Джерри Бишоп, – представился он, садясь напротив Кэрри. – Вот это событие! Обычно к нам по двести девяносто пятому из Маклина не приезжают.

В чем дело? Эпизод в Аббассии?

– Ну, если есть что-нибудь интересное на этот счет или насчет операций «Аль-Каиды», вы меня осчастливите. Честно. – Кэрри улыбнулась, мысленно посылая Бишопу чуточку флюидов соблазна.

– Особенно террористы не оживлялись. Мы засекли обычный треп по сети джихадистов: отравить систему водоснабжения в Нью-Йорке, атаковать нефтеперерабатывающие заводы или химическое производство и – наше любимое – сесть в нагруженный взрывчаткой личный самолет и влететь на нем в Капитолий. Я, правда, не понимаю, что делается Америке, если она потеряет нескольких конгрессменов. – Джерри ухмыльнулся. – Кроме этого, слегка участились переговоры по сотовым с какими-то племенами салафитского толка в Эль-Арише, что в Северном Синае. Это, наверное, будет интересно израильтянам. – Он пожал плечами. – В общем-то, все.

– На юге Синая расположены туристические курорты, и отдыхают там все подряд: израильтяне, американцы, европейцы. Эти места привлекают ныряльщиков. К тому же правительство Египта не имеет там особого влияния, так что информация любопытная.

– Может, и так. Передам ее вам. – Джерри кивнул. – Только вы ведь не за ней приехали?

Кэрри достала из сумки для ноутбука и выложила на стол фотографии Тахи ад-Доуни – Соловья, Ахмеда Хайдара, Димы и Дэвиса Филдинга. Указав на них, она назвала каждого по имени.

– Эти трое из Бейрута, – сказала она, показывая на Соловья, Диму и Дэвиса Филдинга. Постучав пальцем по фото Хайдара, добавила: – На этого типа нам указали ваши люди,

снимок – с израильского спутника.

– Чего вы хотите?

– Все, что у вас есть, на этих четверых: телефонные переговоры, e-мейлы, посты в «Твиттере», результаты слежки, открытки от бабушек... все.

Джерри хихикнул.

– Вы же понимаете, что мы работаем на количество, не на качество. Собираем все: публичное, частное, разговоры по сотовым, эсэмэски от Абу аль-Хрен-с-Горы маме... Потом все это расшифровываем, переводим и просеиваем, пытаюсь выделить наиболее очевидный мусор. Отсылаем записки к вам, в ЦРУ, и заодно в Разведуправление Минобороны, Совет нацбезопасности, ФБР – короче, всем, кто пишет свое название с большой буквы. Так-то. А уж частички головоломки складывать вам.

– Хотите конкретики? Сосредоточьтесь вот на этих четверых, на всем, что связано с ними, кроме ад-Доуни и Хайдара, в Бейруте.

Джерри задумчиво посмотрел на нее.

– Вы ведь на Эстеса работаете?

– Отчитываюсь непосредственно перед ним. Не знаю, важно ли это, но Саул Беренсон, шеф Отдела разведки по Ближнему Востоку из Национальной секретной службы, знает, что я здесь.

Джерри взял со стола фотографию Филдинга и посмотрел прямо на Кэрри.

– Мы обычно не расшифровываем материалы, связанные с шефами зарубежных отделений. Случилось что-то серьезное?

– Не могу сказать.

– Но что-то в Бейруте неладно, я прав?

– Этого я тоже сказать не могу, однако прикиньте сами: обратилась бы я к вам с подобной просьбой, если бы у нас все было замечательно?

– Мне держать рот на замке?

– Именно. Иначе наши действия окажутся под угрозой.

– Минутку, – тяжело вздохнул Джерри. – По-вашему, в Бейруте у вас завелся «крот»?

– Ничего такого я не говорила, – отрезала Кэрри. – Не придумывайте. Просто сохраните мой запрос в тайне. В конце концов, тайны – наша работа, Джерри. Вот и все.

– Как вам передать информацию? По электронке через ОГСРК? – спросил Джерри, имея в виду Объединенную глобальную сеть разведывательных коммуникаций, компьютерную сеть, разработанную для обмена особо секретными зашифрованными сообщениями на самом высоком, правительственном уровне.

– Нет. Вот на этом, – сказала Кэрри и положила рядом с фотографиями внешний жесткий диск.

– Господи Иисусе, дело и впрямь тайное. Идемте, – позвал Джерри и вывел Кэрри в коридор.

На лифте они спустились под землю и прошли по кори-

дору без окон, через несколько закрытых кабинетов, где повсюду висели камеры наблюдения. Двери открывались либо по пропуску, либо по пропуску и паролю. Замок на последней требовал пропуска, пароля и отпечатка пальца.

Бишоп завел Кэрри в комнату со стеной мониторов, на которые передавалось изображение со спутников по всему миру. Среди экранов выделялась отдельная группа – на них в режиме реального времени отображались ключевые для разведки объекты в Ираке.

В кубариках работали за компьютерами аналитики. Бишоп отвел Кэрри к одной из секций, у стены.

– Вот эти ребята ведут Ближний Восток, – сказал он. – Вы их, может, и не видели ни разу, но знакомы с их работой.

– Привет, – поздоровалась Кэрри.

Один из аналитиков – рыжий, веснушчатый и взъерошенный, с ухоженной бородкой – мельком глянул на нее и снова уткнулся в монитор. Сидел он в кресле-каталке. Бишоп объяснил своим людям, что нужно Кэрри, раздал фотографии и проинструктировал всех.

– Не хотите посидеть рядом со мной, пока я работаю? – спросил рыжий в инвалидном кресле. Ему досталась фотография Филдинга.

– Если в итоге я получу желаемое – то да, конечно.

– Не вы одна получите, – ухмыльнулся рыжий. Он был по-своему привлекателен, напоминая выпускника привилегированной школы.

– Если не возражаете, хотелось бы понаблюдать за работой, – обратилась Кэрри к Бишопу и присела рядом с рыжим. Под штанинами джинсов у того угадывались очертания тонких, как карандашики, ног.

– Я Джеймс, – представился рыжий. – Джеймс Абдель-Шауафи.

– Вы не похожи на араба, – заметила Кэрри.

– Мой отец – египтянин, мать – американка с ирландскими корнями.

Джеймс широко улыбнулся.

– *Hal tatakalam Arabiya?*⁹ – спросила Кэрри.

– *Aiwa, dekubah,* – ответил рыжий, мол, да, конечно. – С чего начнем? С телефонных сообщений?

С е-мейлов?

– Вы прямо мысли читаете. С телефонов. – Кэрри показала ему список номеров Филдинга в посольстве: зашифрованный номер со скремблером, сотовый номер и прочая, прочая. Всего пять пунктов.

– И без этого обойдусь. Смотрите, – сказал Джимбо, забывая имя Филдинга в поиск по базе данных. В итоге он получил одиннадцать номеров. Кэрри от неожиданности выпрямилась. Ничего себе! У большинства агентов ЦРУ по одному или два телефонных номера, но у Филдинга...

– До какой даты ищем? – спросил аналитик.

– Охватим несколько лет и начнем с последних трех ме-

⁹ Вы разговариваете по-арабски? (*араб.*)

сяцев.

– Нет проблем, но инфы будет куча, – предупредил рыжий, набирая на клавиатуре команду и нажимая «ВВОД».

Они подождали немного, и по экрану поползли строчки с номерами, датами и количеством сделанных звонков. Джимбо уставился в монитор.

– Боже, – протянул он, качая головой. – Не думал...

– В чем дело?

– Смотрите, – сказал он, указывая на монитор. – Видите пробел?

– Где именно?

Аналитик курсором выделил участок в массиве данных.

– Если верить этой информации, то мистер Филдинг за последние месяцев пять не звонил вот с этих трех номеров.

– Может, они ему не нужны? У него еще восемь.

– Нет, он довольно активно пользовался ими до прошлого октября. Видите? Что-то не сходится, – пробормотал он. – Минутку. – Он глянул на Кэрри. – У меня есть админские права для работы в базе.

Рыжий открыл параллельное окно и вбил в командную строку: «DBA_SOURCE».

– Есть доступ ко всей базе, ко всем данным, а это целый мир.

Через некоторое время на экран выползли те же данные, что и в первый раз.

– Невозможно, – пробормотал Джимбо. Он набил

несколько фиктивных команд. – Вот сукин сын, – выдохнул он.

– Что такое?

– Записи о звонках удалены. Видите? – Рыжий указал на цепочку символов.

– А такое возможно? – спросила Кэрри. – Удалить записи из вашей базы?

– Я такого прежде не видел, – признался Джимбо. – Ни разу.

– Когда их стерли?

Аналитик присмотрелся к результатам поиска.

– Две недели назад, что тоже странно.

Кэрри задумалась на секунду, и в голове у нее шелкнуло: вот оно! Две недели назад она покинула Бейрут. «Правило номер два», вспомнила Кэрри наставления Саула. Еще тогда, на Ферме, он поучал молодых агентов: «Правил всего два. Первое: мы рискуем жизнями, так что не доверяйте источнику, да и вообще никому. И второе правило: совпадений не бывает. Не бывает, запомните это!»

Кэрри посмотрела на Джимбо.

– У кого есть право на удаление данных?

– Не знаю. – Он подался к ней и шепнул: – Наверное, у кого-то на самом верху.

Глава 7

Разведывательный центр имени Джорджа Буша, Лэнгли, штат Виргиния

Из материалов на Диму Кэрри узнала, что та последний раз звонила по сотовому в парикмахерскую, в 15:47, в день своего исчезновения. Потом – тишина. Кэрри принялась в обратном порядке идентифицировать номера, по которым звонила Дима. Правда ли она хотела прихорошиться, или парикмахерская – это прикрытие?

Пришлось прерваться, когда позвонил Эстес.

– Поднимись ко мне, живо, – велел он и повесил трубку.

Вот и хорошо, наконец-то.

Кэрри гадала, по какому поводу ее вызвали. Она отправила Эстесу электронное письмо с сообщением о сауарка (бе-дуинском племени салафитского толка, обитающем в Северном Синае) и о возможности террористической атаки на туристов в Шарм-эш-Шейхе и Дахабе. О том, что она вызнала в Черном доме.

По пути в кабинет Эстеса Кэрри думала: почему Дима так и не объявилась? Почему нет новостей? Если бы нашли труп, Верджил уж точно сообщил бы.

Застав у Эстеса встревоженного Саула, Кэрри поняла:

речь пойдет вовсе не о готовящемся теракте.

Хмурый Эстес жестом велел ей садиться в кресло. Саул даже не взглянул на Кэрри. Вот черт...

Полуденное солнце ярко светило в окно позади Саула, и его отражение смазывало вид: внутренний двор между Центром имени Джорджа Буша и старым зданием штаба; на лавке сидели штатные сотрудники в рубашках, без пиджаков. Странная погода установилась... Кэрри вдруг поняла, что подмечает все, даже малейшие детали. Не к добру это. Нейронные цепи и схемы у нее в мозгу буквально гудели, чуть не плюясь искрами.

– О чем ты только думала? – зло произнес Эстес. – Совсем из ума выжила?

– Вы о чем? В чем дело вообще? – невинным тоном поинтересовалась Кэрри.

– Хватит притворяться! Ты ездила в АНБ, по собственной инициативе. Без отмашки сверху. Ты хоть понимаешь, сколько протоколов нарушила?!

– Я ведь просил тебя, Кэрри, – тихо напомнил Саул.

– Как вы узнали? – спросила Кэрри у Эстеса.

– Представь, мне написали из АНБ. Начальник среднего звена, по имени Джерри Бишоп. Занятное такое письмецо: тебя похвалили за визит, мол, ты наладила мосты между нашими агентствами, несмотря на жесткое соперничество. Джерри Бишоп написал так, для проформы, известил меня – за что ему спасибо, – дескать, неплохо бы иногда нарушать

правила, если это во благо. Ему такой подход нравится. Не хватало только постскриптума с приглашением на совместный пикничок, зефир пожарить. Зато мне это не нравится, Кэрри. Мы их клиенты, не более.

У нас нет ни времени, ни ресурсов разбираться в дерьме, которое они добывают. Так не пойдет. Что еще важнее, – он неопределенно махнул рукой в сторону потолка, – точно так считают наши хозяева наверху.

– Я же для дела старалась! – возразила Кэрри, боясь даже мельком взглянуть на Саула. – И кое-что нарыла: про племена на Синайском полуострове. Вы сами говорили: любая информация важна, и я отправила вам письмо.

– Потрясающе! Бедуинское племя! Надо Лоренса Аравийского предупредить. Каким местом ты думала, Кэрри? Ты хоть представляешь, что у нас с бюджетом творится? Сенат только и ждет повода урезать нам штат и ресурсы. А тут ты поперлась в Форт-Мид, нарушила все протоколы сотрудничества с АНБ, которые мы столько лет устанавливали. – Эстес покачал головой. – Из Бейрута уже сообщили, что ты не владеешь собой, но Саул убедил меня в обратном. Больше я тебе не верю.

– Так что там с сауарка? – напомнила Кэрри. Она уже хотела упомянуть о подчищенной базе данных АНБ и отредактированных архивах ЦРУ, но что-то подсказало ей молчать, гнуть дальше линию про джихадистов.

– Саул предупредил египетскую разведку. Они обещали

проверить сведения. То же – с израильтянами. Но разговор сейчас о другом.

– О чем же, Дэвид? – Кэрри встала. – Меня выпихнули из Бейрута посреди операции, в ходе которой пропал наш информатор, а «Хезболла» и сирийцы напали на меня, оперативника ЦРУ. – Кэрри постучала себя пальцем в грудь. – Мало того, что никого и ничего не проверили, так никто еще и не задался вопросом: «Почему?» К тому же есть информация от надежного источника: на территории США готовится теракт, только всем на это начхать. Объясните, в чем дело?!

Саул аж позеленел.

– Сядь, быстро, – отрывисто произнес Эстес.

Кэрри вернулась на место.

– Послушай, Кэрри, – отдышавшись, произнес Эстес. – Мы не военные, наши люди – не солдаты, которые слепо исполняют приказы. Они действуют автономно, думают за себя. Управлять ими – это как дрессировать кошек, но что поделаешь? Такова цена за спасение нации: особые люди вынуждены добывать информацию в самых неожиданных местах. Мы дали тебе свободу действий, однако на сей раз ты перешла все границы. Ты, ни с кем не советуясь, без команды сверху вышла за пределы Управления. Мы разрешаем контакты между агентствами: по авторизованным каналам, если действительно надо «что-то узнать», но ты и в эти рамки не уложилась. Работа АНБ – снабжать нас информацией как таковой. У них нет специалистов по анализу, которые могут

выделить из кучи мусора полезную инфу. Зато они есть у нас. Бульшая часть наших сотрудников только тем и занимается, что анализирует данные. Если АНБ начнет делать за нас нашу работу, у Конгресса появится законный повод спросить: какого хрена вообще содержать ЦРУ? И если ты правда хочешь, чтобы я пустил в работу эту твою надежную версию о теракте, то обеспечь меня проверенными сведениями. Более того, играя у себя в песочнице с Синайским полуостровом и Бейрутом, ты совершенно забыла об «Аль-Каиде» в Ираке, а ведь именно за ней я поручил тебе следить. Только поэтому ты еще здесь.

– Я и за Ираком слежу. Мне...

– Хватит врать, Кэрри, на это нет времени. Инцидент в Аббасии – просто подарок для нашего врага, не время тебе заниматься самодеятельностью. Мы так не работаем. – Эстес покачал головой. – Короче, я уведомил отдел кадров: тебя переводят из Контртеррористического центра.

И не только из него, а из Национальной секретной службы вообще. Больше тебе здесь делать нечего. Саул?

Кэрри будто ударили под дых, и ее чуть не вырвало. Невозможно! Так нельзя! Они что, ослепли? Не видят, что происходит? Из базы стирают записи, есть информация о теракте, а ее – единственного агента, который просек связь между фактами, – хотят отстранить от работы!

– Кэрри, у тебя большой талант: знание языка, чутье... – начал Саул, подаваясь вперед и сцепив руки в молитвенном

жесте. – Но ты не оставляешь нам выбора. Тебя ждет другое назначение.

Слава богу! Ее не увольняют, хоть и работать не дадут.

– Я уж подумала, что вы меня вытурите...

– Вытурим, – сказал Саул, глянув на Эстеса. – В Разведывательный директорат: Кабинет стратегий сбора и анализа разведывательной информации.

– Незамедлительно, – закончил Эстес. – Больше никакой тебе оперативной работы. Хватит.

* * *

– Кому насолила? – поинтересовалась Джоанн Дейтон из соседнего кубарика. Голубоглазая блондинка, пухлощекая и симпатичная, она вполне могла быть чирлидиршей в школе... если бы (как она призналась) не загулы и наркота. – Меня вот сюда в наказание сослали, – закатив глаза, прошептала Джоанн.

– Дэвиду Эстесу, – призналась Кэрри.

– Серьезно? – уважительно произнесла соседка. – Как тебя вообще не выгнали? – Она придвинулась ближе и заговорщицки поинтересовалась: – Что натворила?

Что, что... Не дала себя убить. Кэрри как побежала, спасаясь, на проспекте Мишеля Бустроса, так, казалось, и не могла остановиться.

– Как ни странно, я делала свою работу.

Новым начальником Кэрри стал необычный мужчина русского происхождения: длинные волосы, руки и ноги непропорционально большие, словно его собрали из останков других людей, как какую-нибудь Башню Уоттс¹⁰. Поговаривали, будто его ранили в Боснии, но открыто об этом судачить никто не решался. А звали его Ерушенко. Алан Ерушенко.

– Мне, в принципе, плевать, почему тебя перевели сюда из НСС, – сказал Ерушенко, глядя на Кэрри сквозь дымчатые стекла очков. – Может, здесь и не малина, как в другом корпусе, но дело делаем важное. Жду от тебя ежедневных отчетов о проделанной работе.

Ну и хрен с тобой, подумала Кэрри.

– Что это с Ерушенко? – спросила она у Джоанн.

– Он перфекционист, но могло быть и хуже. – Соседка улыбнулась. – Ерушенко – идиот, правда, не безнадежный.

Шеф посадил Кэрри обрабатывать данные по Ираку от основных сборщиков из НСС (офицеров ЦРУ, которые присылают на анализ и оценку добытые оперативниками сведения).

– Будешь определять степень надежности и точности инфы, – сказал Ерушенко. – Есть золотое правило: редкая инфа надежна, почти все данные – мусор.

Кэрри принялась обрабатывать отчеты по деятельности «Аль-Каиды» в Ираке. Их лидером считался загадочный че-

¹⁰ Гигантские (до 30 метров в высоту) сооружения из мусора, находятся в одноименном районе Лос-Анджелеса; автор – Саймон Родиа.

ловек под псевдонимом Абу Назир. Первый раз Кэрри услышала о нем год назад, когда шла по одному следу в Багдаде, но Абу Назир был как призрак, на него почти не имелось данных. Никаких сведений о нем лично, хоть и подозревалось, будто он где-то в провинции Анбар запугивает вождей местных племен: отрезает головы всем, кто перейдет ему дорогу, и порой насаживает их на колья вдоль дороги, как этикетки кровавые указательные столбы. Упоминался и его ближайший помощник под псевдонимом Абу Убайда, такой же мясник. О нем знали еще меньше.

Кэрри не могла сосредоточиться. Ее тошнило от унижения. За что с ней так? Почему Саул ее предал? Почему они с Эстесом ее не послушали? Похоже, всем плевать, что в ближайшие несколько дней или недель в Америке случится теракт.

Кэрри заперлась в кабинке туалета и, сев на опущенную крышку унитаза, спрятала лицо в ладони. Хотелось кричать во весь голос.

Какого дьявола? Кожу покалывало, как покалывает ногу, когда ее отсидишь. Все из-за стресса: гормоны бушуют, и лекарство не действует; пробки в нейронной сети вышибает.

Кэрри ладонями растерла кожу на руках – не помогло, покалывание не прекратилось. Понятно. Клозапина почти не осталось, и Кэрри начала принимать его через день. Болезнь обострилась, на подходе был депрессивный период.

Кэрри огляделась как затравленный зверь. Надо было

срочно ехать домой.

Глава 8

Рестон, штат Виргиния

Недели полторы Кэрри еще притворялась, будто работает: по утрам вставала, одевалась, красилась и заставляла себя тащиться в Управление. Лекарства принимать и вовсе забросила, таблеток оставалось чуть-чуть. Ощущение было такое, что она падает в черную дыру – забытая всеми и сосланная в никуда. Кэрри читала отчеты по деятельности «Аль-Каиды» в Ираке, но понять ничего не могла. Приходилось перечитывать документы по нескольку раз.

При этом Кэрри мысленно костерила Саула и Эстеса. Первого – за то, что всегда считала его отцом, заменой родному. Или добрым еврейским дядюшкой, желанным для любого ребенка. А Эстеса... Кэрри-то думала, что он ценит ее работу, самоотдачу и профессионализм.

И вот, когда она на блюдечке преподнесла рабочую информацию, ее наказали. Разрушили ей карьеру. Все было кончено. Кэрри на работе все дольше и дольше засиживалась в туалете. У нее ничего не осталось. От нее самой не осталось ничего.

В конце концов она перестала ходить на работу. Да, нужно было отыскать хоть что-то по теракту, о котором предупредила Джулия, но Кэрри не могла заставить себя включить мозг и работать.

Она сидела в темноте, забившись в угол спальни. Она не ела... сколько?.. дня два? три? Какая-то часть ее сознания твердила: мол, это не ты, это все болезнь, но Кэрри стало на все наплевать. До нее никому не было дела.

Даже в туалет пойти она не могла, не хотелось вставать. Когда последний раз она справляла нужду по-человечески? Плевать... Она сидела одна в темноте, забытая и раздавленная. Как отец.

Как отец.

День благодарения. Кэрри – на первом курсе, ее сестра Мэгги – на последнем, в Нью-Йоркском университете. Она позвонила и похвасталась, что праздник встретит с семьей своего дружка Тодда.

– Папа один, поезжай к нему, Кэрри.

– Почему я? Давай ты тоже приедешь. Мы обе нужны ему.

День благодарения, это же семейный праздник – вдруг мама наконец позвонит? Они ведь столько лет прожили с отцом в браке, разве это ничего не значит? А Кэрри и Мэгги? В чем они виноваты? Если мать не хочет звонить Фрэнку, то могла бы дочерям позвонить. Тем более номер Мэгги в Морнингсайд-Хейтс она знает. И она точно знает, что Кэрри – в Принстоне, в Батлер-Колледже. Захотела бы, связалась бы со своими девочками, отец и не догадался бы. Господи, неужто вся семья Кэрри – психи?

Отец позвонил за два дня до праздника.

– Твоя сестра не приедет, – сказал он.

– Знаю, пап, она с парнем. Похоже, у них с Тоддом все серьезно. Зато я приеду, в среду жди. Соскучилась по тебе, – соврала Кэрри. Вдвоем с отцом в его доме... тоска смертная.

– Не хочешь – не приезжай, Кэролайн. У тебя, наверное, свои дела... – отец не договорил.

– Пап, не говори ерунды. День благодарения как-никак. С тебя индейка. В среду приеду и приготовлю. Дождись, я сама все сделаю.

– Не надо, Кэрри. Не приедешь – так даже лучше.

– Ну хватит, пап! Не болтай. Сказала, буду – значит, буду. Хочу домой.

– Ты моя умница, Кэрри. Сестра твоя – тоже. Не так резво соображает и не такая красивая, но все равно умница. Извини, надо было лучше с тобой обращаться.

– Пап! Ну хватит уже. Жди меня в среду.

– Понял, понял. Пока, Кэрри, – сказал отец и повесил трубку.

Кэрри потом еще долго стояла с телефоном в руке.

Она думала позвонить сестре, уговорить ее, но передумала. Мэгги – с Тоддом, ну и пусть. Зато у отца голос был совсем невеселый. Кэрри прикинула в уме: если во вторник экзамен, то после – ничего, на время праздника сессия приостановится. Можно удивить отца. Во вторник, после экзамена, сесть на автобус, и к вечеру она будет дома.

Как и задумала, Кэрри во вторник села на экспресс «Грейхаунд», из Монреаля до Силвер-Спринг, и после обеда уже была в Кингстоне. Стоял солнечный холодный день, листья на деревьях побурели и пожелтели. Кэрри села на местный автобус, и водитель подбросил ее до небольшого каркасного дома, в котором она выросла. Дом заметно постарел – видно, отец не следил за ним. Кэрри открыла дверь...

А через минуту она уже звонила в службу спасения.

Вот тебе и День благодарения, думала Кэрри в карете «скорой». С праздником, папочка.

...Мэгги забрала папу к себе в дом, где жила с милым, образцово-американским мужем и растила двух милых, образцово-американских дочек. Теперь Кэрри стала сбрендившей отщепенкой. И, как у отца в свое время, у нее ничего не осталось.

Ни мужика, ни детей, ни работы. Кэрри осталась совершенно одна. Даже Саул и тот ее предал. Чувство было, что Кэрри на темной стороне Луны, так ей сделалось одиноко. Совсем не то что Дима – заядлая тусовщица, которая не переносила одиночества: всегда на людях, всегда с партнером. А партнеров она – как и всякая незамужняя женщина в Бейруте – меняла словно перчатки.

Дима никогда не оставалась одна. Это ключ... но к чему? Дима пропала с лица земли.

– Может, – вслух проговорила Кэрри, вдруг осознав, что у нее впервые за несколько дней прояснилось в голове, – эта

сучка зависит с моей мамой?

Глава 9

Маклин, штат Виргиния

На следующий день она все же заставила себя выбраться на работу. Что-то в ненависти Димы к одиночеству не давало покоя. Кэрри хотела разобраться с этим вместе с Саулом. Но только не в штабе; надо будет выманить Саула на нейтральную территорию.

Когда Кэрри красилась, ей показалось, что выглядит она словно призрак. Да она и была призраком. Духом на празднике... который, перед тем как раствориться во тьме, заставит себя выслушать. И Саул выслушает ее, никуда он не денется.

Когда Кэрри приехала на работу, Джоанн прямо-таки набросилась на нее с расспросами.

– Ты где была? Ерушенко рвет и мечет! Тебе повезло, что он на совещании из-за того случая в Аббасии. До конца дня не вернется.

Да уж, повезло так повезло.

Казалось, день никогда не закончится. Порой Кэрри мнилось, будто стрелки часов движутся в обратном направлении. Она то и дело мысленно возвращалась к одним и тем же вопросам: кто стер записи из базы АНБ? Кто отредактировал отчеты из Бейрута? Кто такой Дар Адал и какое отношение он имеет к этому делу?

Больше всего волновал вопрос: почему? Кто и что прячет? Что пошло не так? Почему ничего не предпринимают в Бейруте и не берут в разработку информацию от Джулии?

Сплошные вопросы, никаких ответов. И время тянется еще медленней, чем поток транспорта на шоссе I-95.

Вечером Кэрри подкараулила Саула на парковке: подождала, пока он выйдет из здания штаба, в одиннадцать ночи. Потом поехала следом за ним, до самого дома – белого, в колониальном стиле, на тенистой улице среди деревьев и без тротуаров. Кэрри один раз была у него в гостях, на ужине.

Саул вошел в дом, и Кэрри, выждав минут двадцать, подошла к двери и позвонила.

Ей открыла жена Саула, Мира – индуска из Мумбаи, с которой Саул познакомился в Африке. Кэрри виделась с ней лишь однажды. Мира вышла на порог в сорочке и халате.

– Привет, Мира. Помнишь меня? Мне надо поговорить с Саулом.

– Да, я тебя узнала, – ответила Мира, не сходя с места. – Саул только домой пришел.

– Прости, – извинилась Кэрри. – Это важно.

– У вас все дела важные, – проворчала Мира, отходя в сторону. – Когда-нибудь вы поймете, что самое важное в жизни – то, что кажется незначительным. – Она кивнула в сторону лестницы. – Саул наверху.

– Спасибо, – сказала Кэрри, поднимаясь на второй этаж. Дверь в спальню была приоткрыта. Кэрри постучала и во-

шла.

Переодевшись в пижамную рубашку, но не сменив брюк, Саул поедал йогурт из баночки. Расправленная кровать показалась Кэрри чересчур маленькой. Неужели Саул и Мира помещаются на ней вдвоем? Да и спят ли они вместе?

При виде Кэрри Саул отставил баночку с йогуртом в сторону.

– Кто такой Дар Адал? – в лоб спросила Кэрри.

– Откуда ты знаешь это имя?

– Из отчетов Контртеррористического центра. Вы с Дэвидом сами посадили меня на эту работу, когда я вернулась. Вот только мне попались подправленные отчеты и бред о деятельности сирийских шпионов за пределами Бейрута и Дамаска. Куча отчетов и все – вода. Может, ты скажешь, что происходит?

– Поезжай домой, Кэрри, – ответил Саул. – День был долгий...

– Кто такой Дар Адал?

– Это старая история. И не самая веселая, – отмахнулся Саул. – Я не могу принять тебя назад в свой отдел, как бы сильно ты этого ни хотела. Поезжай домой.

– Сперва ответь на мой вопрос.

Саул покачал головой.

– Открой глаза, Кэрри! Все кончено. Я сделал все, что мог.

– Так нельзя. Это нечестно.

– Ты только сейчас поняла, какая жизнь несправедливая?

Привыкай, меньше будет разочарований. И в конце концов, это мой дом, ты не имеешь права здесь находиться. Я серьезно. Отправляйся домой, – с каменным лицом произнес Саул.

– Послушай же меня, наконец!!!

– Я и слушаю, Кэрри, но ты ничего не говоришь. Только ноешь и ноешь.

– Из базы данных АНБ пропали записи. Их стерли. Специалисты говорят, что такого прежде не бывало, ни разу. Записи удалили ровно в тот день, когда меня вытурили из Бейрута. У кого есть права на чистку базы?

Какое-то время оба молчали. Из хозяйской спальни доносился голос телеведущего Джея Лено. А ведь Саул с Мирой и точно спят в разных комнатах.

Кэрри вдруг очень явственно поняла, что ей здесь и правда не место.

– Что было в тех записях? – спросил наконец Саул.

– Звонки с одиннадцати мобильных номеров Дэвиса Филдинга. За несколько месяцев.

– Твою мать, – ругнулся Саул и присел на край кровати.

Кэрри пристроилась рядышком.

– За что Эстес меня так не любит? – спросила она.

Саул снял очки и протер стекла о полу рубашки.

– При чем здесь «любит», «не любит»... Видела бы ты, каким взглядом он тебя провожает, но это просто химия. На самом деле Эстес к тебе равнодушен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.